

*Свидетели
эпохи*

ВАСИЛИЙ
ГУРКО

*Война и революция
в России*

Мемуары командующего
Западным фронтом

1914—1917

Василий Гурко

**Война и революция в России.
Мемуары командующего
Западным фронтом. 1914-1917**

«Центрполиграф»

Гурко В. И.

Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914-1917 / В. И. Гурко — «Центрполиграф»,

Василий Иосифович Гурко – блестящий русский боевой офицер, генерал от кавалерии, сын прославленного генерал-фельдмаршала, героя войны 1877–1878 г. В своих мемуарах Василий Иосифович правдиво и обстоятельно рассказывает о военных буднях русской армии, о действиях подчиненных ему частей, о тактике и стратегии воюющих сторон, а также о происходящих в России политических переменах.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1 МОБИЛИЗАЦИЯ РУССКОЙ АРМИИ	9
Глава 2 СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ	17
Глава 3 ПЕРВЫЕ БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ	22
Глава 4 ОККУПАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ	29
Глава 5 ДЕЙСТВИЯ КАВАЛЕРИИ И НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ	33
Глава 6 РЕЙД ЧЕРЕЗ ГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕДОВЫЕ ЛИНИИ	39
Глава 7 ТАННЕНБЕРГСКОЕ СРАЖЕНИЕ	45
Глава 8 БОИ В ПОЛЬШЕ И ГАЛИЦИИ	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Василий Гурко

Война и революция в России

Моей жене

ПРЕДИСЛОВИЕ

Посреди казавшегося незыблемым мира, во время активной работы по продвижению экономических и социальных реформ Россия была как громом поражена известием о приближающейся мобилизации и настоятельной необходимостью взяться за оружие для защиты как своих собственных интересов, так и интересов всех прочих славянских народов.

Чтобы точно определить состояние, в котором находилась Россия в момент начала войны, необходимо сделать краткий обзор политического положения, существовавшего на тот момент. Страна все еще до конца не оправилась от потрясения, вызванного революцией 1905–1907 годов. Образованные сословия общества, получившие доступ к политической жизни и определенное влияние на законодательную деятельность, были поглощены борьбой с правительством. Центром этой суматошной активности являлась в основном Государственная дума. Подобно другим европейским государствам, с началом военных действий межпартийные распри, как борьба за господство между Государственной думой и правительством, в первое время затихли, но затем, постепенно, разгорелись с новой силой.

Такой же процесс мы могли наблюдать во всех союзных нам государствах и, в определенной степени, в стане наших противников. После трех лет войны эта борьба, становясь все более острой, привела к кризису, который закончился в феврале 1917 года революцией.

Говоря о военной мощи России и ее готовности вступить в войну, нельзя забывать, что раны, нанесенные нашей армии на Дальнем Востоке в ходе неудачной войны с Японией, не были еще до конца залечены. Государственная дума, депутаты которой в основном и были озабочены военными вопросами, всеми доступными им средствами понуждали правительство, не считаясь с затратами, возможно быстрее готовить войска к войне и предпринять шаги, которые бы обеспечили русской армии и военному ведомству независимость от зарубежных поставок. С другой стороны, правительство, основывавшее свою политику на том факте, что само оно никогда не имело агрессивных устремлений, полагало совершенно необходимым соблюдать по всем статьям режим строжайшей экономии, вследствие чего на многие годы откладывало ассигнования, необходимые для государственной обороны. В результате в отношении военных приготовлений мы далеко отставали от своих западных соседей. Наконец, третий фактор, влияние которого нельзя не принять во внимание, – реализация экономической реформы, направленной на перевод крестьянства от общинной формы собственности на землю к единоличной, фермерской, и действие, производимое этой реформой на громадные массы российского населения. Достаточно упомянуть, что реформа заставила каждого крестьянина, владеющего землей, зафиксировать новые границы своего надела. В большинстве случаев это влекло за собой необходимость обмена земельных участков, что для большей части крестьянства означало, в конечном счете, перенос на новое место своих подворий. Хотя это едва ли очевидно для чужестранца, такая далеко идущая реформа в очень большой степени затрагивала интересы громадного сельского населения России, которое составляло более 90 процентов подлежащих призыву на военную службу.

Указанные обстоятельства на протяжении всех трех военных лет сильнее всего влияли на морально-психологическое состояние русской армии. Только твердая дисциплина, привычка к повиновению своим начальникам и врожденный фатализм русского крестьянина

заставляли его исправно выполнять свой воинский долг, несмотря на то что мысленно он при всех обстоятельствах оставался в своей деревне. При этих условиях легко вообразить себе его чувства в период разрастания революции, когда он наконец осознал, что все поддерживавшие его прежде опоры рухнули. Доминирующим в сознании большей части солдат стало необоримое желание вернуться домой и принять участие в устройстве основ своей будущей хозяйственной жизни. Если добавить к этому провозглашенный революцией лозунг о передаче помещичьей земли крестьянам, то становится понятней, почему все помыслы крестьянина в солдатской шинели обратились тогда к вопросам материальным в ущерб всему тому, что прежде побуждало его честно исполнять свой солдатский долг. Когда о враждебном отношении русских солдат к продолжению войны стало известно нашим союзникам, эта новость вызвала совершенное изумление. Проводилось сравнение между боевыми победами молодой французской армии после Великой французской революции XVIII века и той катастрофой, которая постигла могучую военную машину России.

Сравнение конечно же оказывалось не в нашу пользу. Но что было тому виной? Забывчивость, элементарное невежество или умышленное извращение истории? В то время когда толпа выносит суждения, руководствуясь внешними признаками и поверхностным знанием, для прессы и руководителей общественной мысли и политики было непростительно делать выводы на той же скудной основе. Неужели они забыли, что войны, которые вела Франция, явились *следствием* революции; что на полях Вальми¹ и Жемаппа² французы защищали священные завоевания своей революции?

Напротив, в России (в особенности на взгляд поверхностного наблюдателя) война стала важнейшей *причиной* русской революции, подобно тому как революционное движение 1905–1906 годов было результатом нашего поражения в Маньчжурии. В народном представлении это война породила русскую революцию. Таков был основной лозунг агитаторов, которые «углубляли революцию», заглушая своими проповедями голоса тех, кто призывал русских солдат сражаться, чтобы обезопасить «завоевания» все той же революции.

Но существует еще одно обстоятельство, которое совершенно исключает всякую возможность сравнения положения Франции после ее революции с ситуацией в России 1917 года. Французская армия перед победами при Вальми и Жемаппе имела более двух лет для спокойной подготовки. Вся она была набрана из молодежи, еще не подвергшейся развращению от тесного контакта с революционным брожением. Благодаря чему Франция получила возможность два года готовиться к решительной схватке – совсем другой вопрос, который я не стану здесь затрагивать, поскольку эта передышка от Франции не зависела. Остатки французской королевской армии повели себя недостойно, так как сразу же после революции эти войска явили, хотя и в меньшей степени, такие же сцены разброда и разложения, которые наблюдались в нашей стране. Они точно так же позорно бежали от слабых ударов германских и австрийских отрядов, как бегали и наши «товарищи».

Таковы были, как сказано выше, важнейшие особенности, определявшие внутривнутриполитическую жизнь в России. Российская внешняя политика уделяла основное внимание Ближнему Востоку. Этот интерес особенно возрос после так называемой Балканской войны 1911–1912 годов, которая закончилась распадом существовавшего прежде антитурецкого союза небольших Балканских государств³.

---

¹ Вальми – селение во Франции. Во время революционных войн около него 20 сентября 1792 г. произошло столкновение между французами под начальством Дюмурье и союзной австро-прусской армией. Сражение, в военном отношении незначительное, послужило поводом к отступлению союзников из пределов Франции и тем самым способствовало торжеству революции. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

² Жемапп – селение в Бельгии. При Жемаппе 6 (18) ноября 1792 г. французы под командованием Дюмурье разбили австрийцев.

³ Вероятно, абберация памяти автора. По всей видимости, имеется в виду 2-я Балканская война, которая велась с 29 июня

К этому неожиданному разрыву явно приложила руку дипломатия Центральных держав. В данном случае германская политика следовала по проторенной дорожке. Именно эта германская политика после японо-китайской войны⁴ пробудила разногласия между Россией и Японией.

Основной причиной этих разногласий стало занятие Россией Ляодунского полуострова с Порт-Артуром, произошедшее по соглашению с Китаем и в противовес планам Германии, которая оккупировала город Киао-Чао в заливе Цзяоджоу⁵.

Впоследствии Германия, желавшая ослабить своих вероятных противников, при поддержке Южно-Африканских республик способствовала развязыванию Англо-бурской войны. По аналогичной причине Германия с удовольствием дала согласие на предпринятую Италией колониальную войну в Триполитании.

В течение последующих нескольких лет все войны, в которых участвовали цивилизованные народы, тем или иным способом были подготовлены германской дипломатией, направлявшейся этим «богом войны» – императором Вильгельмом. Достаточно вспомнить телеграмму, направленную им президенту Трансваальской республики Крюгеру в момент, когда это маленькое государство должно было сделать выбор между миром и войной с Великобританией.

Германия, разжигавшая эти конфликты, рассчитывала на ослабление своих будущих противников и на подрыв их экономики.

Таким образом, разрыв между союзными Балканскими государствами произошел не без участия германской дипломатии. Способствовать ему было совсем не сложно, поскольку интересы этих государств были в высшей степени сложны и запутаны, а дележ захваченных у поставленной на колени Турции территорий поистине явился для Балканских государств яблоком раздора. Однако было бы ошибкой считать, что балканский вопрос и тесно связанный с ним славянский вопрос в 1914 году имел для Германии какую-нибудь важность. Теперь, когда эти события отошли в прошлое, мы видим, что проблемой, которая более всего заботила Германию, было ее соперничество с Англией. Тот факт, что в нынешней войне Германия не рассчитывала встретить в лагере своих противников Великобританию, только подтверждает эту мысль. В данном случае Германия просто следовала своей привычной тактике, которая предписывала ей напасть на слабейшего из своих оппонентов и попытаться его уничтожить, чтобы облегчить в дальнейшем борьбу с основным противником. Разумеется, правительства заинтересованных европейских держав понимали, к чему стремится Германия, и намеревались начать войну одновременно, чтобы лишить ее возможности разбить своих противников поодиночке.

Германия оказалась в кольце врагов. Но это открытие, сколь бы ни было оно болезненным для тевтонской дипломатии, никак не повлияло на тактику тевтонов. Германия неизменно пользовалась любым удобным случаем для нападения на слабых противников, чтобы сначала расправиться с ними, а потом уже заняться своими более грозными неприятелями. Единственным ответом на такую стратегию могла быть только координация вооруженных сил всех держав Согласия. Против такого курса, однако, имелось так много препятствий, что союзники оказались не в состоянии ему следовать. Удастся ли им это в будущем? Ответ будет зависеть от мудрости правителей и от того, в какой степени они научатся подчинять свои частные интересы общим интересам Союза.

Париж,

по 30 июля 1913 г., возникшая, когда Болгария напала на своих прежних союзников (по 1-й Балканской войне, закончившейся разгромом Турции и отторжением почти всех ее европейских владений) и была ими разбита. Возможно, автор объединяет два этих конфликта.

⁴ Велась в 1894–1895 гг. из-за противоречий по корейскому вопросу.

⁵ В советской литературе Киао-Чао именуется, как и залив, Цзяоджоу.

Март 1918 года

Глава 1 МОБИЛИЗАЦИЯ РУССКОЙ АРМИИ

В миролюбивой России был разгар летнего отдыха, когда нависшие над Европой штормовые облака наконец разразились грозой.

Петербург и Москва практически обезлюдели; в них оставались только те, чьи служебные обязанности приковывали их к городам. Как ни мрачен был политический горизонт после убийства в Сараеве австрийского престолонаследника, лишь очень немногие могли вообразить себе, что противоречия между Австрией, с одной стороны, и Сербией с Россией – с другой, были настолько серьезны, что не могут быть разрешены в рамках обыкновенных дипломатических процедур.

Когда стало ясно, что Австрия намерена превратить сараевский инцидент в *casus belli* и употребить для развития конфликта с Сербией всю свою мощь, русское правительство решило объявить мобилизацию войск, расквартированных вблизи от русско-австрийской границы.

24 июля стало общеизвестно, что конфликт неизбежен. Войска только что выступили в летние учебные лагеря. Через два дня им было приказано возвратиться к месту постоянного расквартирования; командующие военными округами получили приказы о проведении частичной мобилизации.

Первый приказ касался только Одессы, Киева, Петрограда и Казани; момент начала мобилизации был определен в полночь с 29 на 30 июля. Командующие этих округов едва успели приступить к выполнению указаний, когда были получены новые распоряжения, превращавшие мобилизацию во всеобщую. Это, разумеется, касалось и всех остальных военных округов, и во избежание неразберихи срок начала мобилизации был перенесен на полночь 30–31 июля. На следующий день, в 7 часов 10 минут пополудни, германский кайзер подписал манифест об объявлении войны России.

Отмена приказа о мобилизации южных армий, нацеленных против Австрии, и замена его всеобщей мобилизацией послужила германскому императору предлогом для начала войны с Россией. Германское правительство утверждало, что эти действия служат неопровержимым доказательством подготовки русских к боевым действиям не только против Австро-Венгрии в том случае, если она нападет на беззащитную Сербию, но и против Германии. В результате германский император в собственноручном послании к президенту Соединенных Штатов, переданном через американского посла мистера Дж. В. Джерарда, писал, что указ царя о всеобщей мобилизации направлен также и против Германии.

В проекте соглашения, подписанном императорами Николаем II и Вильгельмом II в июле 1905 года на русской императорской яхте близ шведского острова Бьёркё⁶, утверждалось следующее:

«Если одна из двух империй подвергнется нападению любой европейской державы, то союзная империя должна будет, по условиям настоящего трактата, оказать своему союзнику помощь сухопутными и военно-морскими силами».

Иначе говоря, Германия ожидала, что Россия, для оказания помощи своему будущему союзнику, выведет на поле боя все свои вооруженные силы. Возможно ли тогда, чтобы германский император мог предположить, что Россия, вынужденная объявить войну Австрии, не мобилизует все свои вооруженные силы? Следует ли нам допустить, что император Вильгельм, который считал себя большим знатоком военных вопросов, умышленно или по рассеянности забыл об элементарном и основополагающем принципе ведения боевых действий: «Не только сразу же ввести в дело все войска, но, во избежание риска быть разбитым по частям, немедленно добиться перевеса своих сил над противником»? Однако тогда возникает другой вопрос:

---

⁶ Björkö. В литературе встречаются самые разные написания этого названия.

если германская мобилизация была направлена исключительно против России, почему в таком случае Германия не была последовательна в своих действиях и не объявила войну только ей одной? Непосредственно перед объявлением войны Германия делала Франции выгодные предложения в надежде, что та сохранит нейтралитет, но при этом одновременно проводила мобилизацию всех своих сухопутных войск и флота.

Русский приказ о частичной мобилизации стал ответом на мобилизацию восьми австрийских армейских корпусов, дислоцированных вблизи от сербской границы. Австрия ответила на него мобилизацией всех своих армий, и, только когда об этом стало известно в России, был отдан приказ о полной мобилизации всех русских войск.

Для доказательства того, сколь мало ожидали в России начала войны, достаточно упомянуть о следующем. В тот момент население выезжало из больших городов для летнего отдыха, а русских военнослужащих выводили в летние учебные лагеря, которые в некоторых случаях находились за сотни верст от мест постоянного расквартирования полков, где хранилось все необходимое для ведения военной кампании. Это означало, что до того, как войска смогут принять участие в мобилизации, их необходимо прежде возвратить в казармы. Импровизация в такой сложной проблеме, как проведение мобилизации, совершенно недопустима; выигрыш одного дня или даже часа при первоначальных перемещениях войск может приобрести неопределимую важность. Именно по этой причине царь и принял решение об общей мобилизации всех вооруженных сил России.

Приказ о проведении частичной мобилизации неизбежно стал известен миллионам военнослужащих и гражданских лиц, в результате чего информация о нем дошла до слуха наших противников. Если бы Германия рассматривала эту акцию не только как предупреждение Австрии, но и как свидетельство желания России принять участие в боевых действиях, то наверняка начиная с этого момента ею делались бы представления русскому правительству. Однако, вместо выражения протеста, Центральные державы начали подготовку к войне, что касалось прежде всего их торгового флота, находившегося в далеких морях. Неоспоримые свидетельства этой подготовки позднее попали в наши руки среди документов, захваченных в Восточной Пруссии.

Вечером 29 июля стало известно, что царь подписал манифест о всеобщей мобилизации. Вся Россия, военная и гражданская, принялась за работу. Следует отдать должное миллионам людей из всех слоев общества, которые взялись за дело с такой самоотверженностью и энергией, что результаты превзошли наши наиболее оптимистические надежды и предположения, не говоря уже о расчетах неприятеля. Под стать быстроте оказались и достигнутые результаты. Чтобы должным образом оценить сложности и препятствия, с которыми сталкивалась всеобщая мобилизация в Российской империи, необходимо продемонстрировать различия между Россией и западными империями в тех аспектах, которые имеют наибольшее влияние на быстроту проведения подобных операций. В европейской части России, за вычетом польских губерний, на 100 квадратных километрах на каждые 10 тысяч населения приходилось всего 0,96 километра железных дорог, тогда как Германия, в том же исчислении, располагала 11,5 километра.

Следовательно, Германия по развитию железных дорог в двенадцать раз превосходила Европейскую Россию, причем русские дороги должны были обслуживать в два с половиной раза более многочисленное население. Кроме того, в России все необходимое в ходе мобилизации надо было перевозить в среднем на расстояния в пять раз большие, чем в Германии – если принимать во внимание только Европейскую Россию и учесть тот факт, что все войска двигались в одном направлении. Численность войск, перевезенных на громадные расстояния, достаточно проиллюстрирует указанные трудности. Необходимо помнить, как сравнительно мал был процент железных дорог, известных как стратегические – то есть те, которые позволяли подвозить войска в приграничные районы от Балтийского моря до Румынии, где требова-

лось развертывание армии. До того момента, однако, для русского командования было совершенно неясно, предстоит ли России столкнуться с единственным противником – Австрией, или же со всей коалицией Центральных держав в целом.

Тем не менее исторические события развивались очень быстро, и всего через два дня после приказа о всеобщей мобилизации стало ясно, что России угрожает война на всем протяжении ее западной границы. Тогда во всех умах возник вопрос – к которой из сторон конфликта примкнут Италия и Румыния?

Существовало еще несколько второстепенных опасностей, которые угрожали воспрепятствовать успешному и быстрому проведению мобилизации. Совсем недавно был предпринят, но не вполне еще доведен до конца отвод нескольких пехотных корпусов и нескольких кавалерийских дивизий от разных участков границы в центральные и приволжские губернии. Эти меры были вызваны экономическими, а не военными причинами, что устраняет всякие сомнения в том, что у России совершенно отсутствовали какие бы то ни было агрессивные намерения в отношении ее соседей. Безусловно, большая концентрация войск на границе давала населению этих районов несомненные экономические преимущества, но одновременно наносила ущерб внутренним губерниям, которые вносили свою долю в расходы по содержанию армии, не получая никаких выгод от ее присутствия на их территории.

Другая реформа, которая затрудняла мобилизацию, – введение системы, известной под названием «скрытых резервов». Все боевые рода войск имели в своем составе формирования, состоявшие из сравнительно малого числа офицеров и нижних чинов, которые должны были служить ядром частей второго наступательного эшелона; они и представляли собой упомянутый «скрытый резерв». В то же время все штабы высшего военного командования предстояло еще сформировать; это требование, вкуче с некоторыми другими, указывало на недостатки системы, поскольку естественно, что только недавно сформированный штаб не может в незнакомых условиях моментально приступить к исполнению своих обязанностей. Эта проблема касалась подготовки штабов верхнего командного уровня начиная со штаба армии и кончая штабом Верховного главнокомандующего. С открытием боевых действий было необходимо сформировать один штаб Верховного главнокомандующего всей русской армии, три штаба главнокомандующих фронтами, включая командование на Кавказе, и, если учитывать Кавказскую армию, одиннадцать армейских штабов, что в общем составляло четырнадцать главных командований. Офицеры, из которых следовало сформировать эти штабы, должны были иметь опыт службы в Военном министерстве в Петрограде, в Императорском Генеральном штабе или в штабах командования различных военных округов. Все эти учреждения, однако, могли выделить для формирования новых штабов высшего армейского командования только малую часть из своих высокопоставленных офицеров; их время было уже занято мобилизацией второго эшелона армии одновременно с теми, кто уже был призван.

Естественно, что число офицеров в этих штабах было совершенно недостаточно для выполнения увеличившегося объема работы при одновременном формировании новых штабов. Это влекло за собой необходимость откомандирования для штабной службы офицеров из строевых частей. В самый критический момент, когда работа штабов была наиболее ответственной, когда любая ошибка могла нанести текущим действиям войск невосполнимый ущерб, эти штабы только еще формировались. В таких случаях ответственность ложилась на тех командиров, которые сохранили свои прежние посты, или на тех, кто был назначен руководить только что сформированными боевыми частями или штабами. Тем не менее, как я уже отмечал, мобилизация проходила весьма успешно и с такой быстротой, что было невозможно перехвалить армейские штабы и гражданскую администрацию, которые участвовали в ее проведении, а в первую очередь – тех, кому выпала наиболее трудная часть работы, продолжавшаяся до завершения сложной и бесперебойной транспортной операции. Для всех железнодорожных чинов – от младших и до самых высоких, которыми руководило только сознание государствен-

ной необходимости их дела и патриотизм, было тогда вполне обычным делом несколько дней кряду работать по двадцать четыре часа в сутки, ни на минуту не смыкая глаз.

Что касается верхних уровней командования, то служившие там люди еще в мирное время были поставлены в известность относительно того, какие назначения они получают. Тем не менее после объявления войны эти офицеры почти или совершенно не имели времени для осмотра войск, отданных под их командование, или хотя бы для того, чтобы просто познакомиться со своими непосредственными подчиненными.

Естественно, такое положение не способствовало укреплению авторитета начальников среди подчиненных и не облегчало их взаимоотношений с помощниками. Выдающиеся личности, занимавшие высшие командные должности, безусловно вызывают громадный интерес у общества благодаря той роли, которую они играли в недавних исторических событиях. Несмотря на это, тот факт, что большинство из этих людей еще живы и, будем надеяться, со временем вновь займут видное место в управлении нашей страной, заставляет меня ограничиться только самым кратким обзором их *curriculum vitae*.

Во главе армии был поставлен великий князь Николай Николаевич⁷, дядя царя, человек хотя и немолодой, но по-прежнему полный сил, можно даже сказать – юношеской энергии.

Близко знакомый с армейской жизнью, великий князь получил военное образование в Николаевской академии Генерального штаба в Петербурге. Позднее он приобрел обширный опыт командования кавалерией; немногим менее десяти лет назад он занимал пост главнокомандующего гвардией и начальника Петербургского военного округа. Несмотря на то что его высочество имел репутацию начальника сурового и вспыльчивого, а временами даже теряющего над собой контроль, он пользовался любовью в войсках, которыми ему доводилось командовать. В своем качестве генерал-инспектора русской кавалерии он был в той или иной степени знаком со всеми крупными кавалерийскими начальниками и практически со всеми заметными офицерами, поскольку все они, получая назначение на новую должность, приезжали в Петербург и представлялись великому князю по его должности главнокомандующего столичным военным округом.

Его назначение Верховным главнокомандующим русской армией было с удовлетворением встречено всей без единого исключения русской прессой. Великий князь не получил возможности самому выбрать себе ближайших помощников; они были назначены к нему Военным министерством.

Хотя великий князь и не имел случая его одобрить, список этих офицеров был представлен властям империи и должным образом утвержден государем императором.

Занимавший прежде пост в военной администрации генерал Янушкевич⁸ незадолго до начала войны был назначен начальником Генерального штаба в Петрограде, а после открытия боевых действий стал ближайшим помощником великого князя – начальником его штаба.

Деятельность Янушкевича на этом посту вызвала следующее замечание, адресованное генералом Сухомлиновым своему близкому другу, некоему генералу, скрывающемуся под литерами «Д-н»: «Наш начальник Генерального штаба все еще дитя».

---

⁷ Романов Николай Николаевич (1856–1929) – внук; императора Николая I. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. За участие в форсировании Дуная награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, а за отличия, проявленные при штурме Шипки, – золотым оружием. Во время мировой войны «в воздаяние мужества, решительности и непреклонной настойчивости в проведении планов военных действий, покрывших неуязвимой славой русское оружие», награжден орденом Св. Георгия 3-й степени, по взятии Перемышля – орденом Св. Георгия 2-й степени. Награжден Георгиевской саблей, украшенной бриллиантами, с надписью «За освобождение Червоной Руси» (04.1915).

⁸ Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918) с 1911 г. занимал должность помощника начальника канцелярии Военного министерства; одновременно преподавал в Академии Генерального штаба. Генерал от инфантерии (1914). В начале 1918 г. арестован в Могилеве и по пути в Петроград убит конвоирами.

Он совершенно не имел боевого опыта и, что вполне естественно, по всем вопросам, имевшим касательство к стратегическим комбинациям, полностью подпал под влияние своего ближайшего товарища по службе, петроградского Генерального штаба генерала Данилова⁹.

На протяжении нескольких лет Данилов занимал должность генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. Позднее во время войны он назначался на различные строевые должности и стал командиром армейского корпуса, а затем и командующим армией. Во время революции он был начальником штаба Северного фронта, которым тогда командовал генерал Рузский, и занимал этот пост в течение шести месяцев.

Главкомандующим армиями Юго-Западного фронта был назначен генерал Иванов¹⁰.

Его штаб формировался в Киеве на основе штаба этого округа, и генералу Иванову пришлось командовать армиями на Юго-Западном фронте, который действовал против Австрии. Начальником штаба у Иванова был генерал Алексеев¹¹, позднее прославившийся на весь мир в качестве начальника штаба императора. Свойства генерала Иванова являлись типичными для человека весьма скромного происхождения, который своим трудом достиг высочайшего положения. Отличительными чертами его характера и интеллекта были благожелательность, доброта, доступность для подчиненных, спокойный нрав и величайшая скромность в сочетании с прилежанием при изучении военных вопросов. Большую часть жизни он провел в артиллерии, включая и крепостную. Боевое крещение он получил в Маньчжурской кампании¹², занимая тогда пост командующего 3-м Сибирским армейским корпусом.

В той кампании среди прочих отличий он получил вождеденные ордена Св. Георгия четвертой и третьей степени¹³, высоко ценимые во всех европейских армиях.

Хотя его боевая активность в Маньчжурии не отличалась ни большим разнообразием, ни широтой, она тем не менее позволила накопить большой и разнообразный опыт. В Маньчжурии его упрекали за то, что он всецело находился под влиянием своего начальника штаба; но, если дело обстояло именно так, то из этого могла проистекать только большая польза для государства, поскольку в результате проявились замечательные таланты генерала Алексеева.

Алексеев, используя свое влияние на генерала Иванова, оказался в состоянии разрабатывать стратегические планы, зная, что будет нести на своих плечах полную ответственность за принимаемые решения. Именно тогда Алексеев приобрел начальный опыт, который подготовил его к исполнению высоких обязанностей, возложенных на него впоследствии.

Генерал Алексеев провел первые десять лет своей военной службы в малых чинах в одном из малозаметных пехотных полков, расквартированных в Могилеве.

В этом качестве он принял боевое крещение во время Дунайской кампании 1877–1878 годов и приобрел первый, хотя и весьма ограниченный, боевой опыт. Только на десятом году службы он решил наконец сдать экзамены в Николаевскую военную академию, а поступив, закончил учебу блестяще. Маньчжурская кампания застала его на посту генерал-квартирмейстера [3-й Маньчжурской армии]; после сражения при Мукдене в период относительного зати-

---

⁹ Данилов Юрий Никифорович (1866–1937) – генерал от инфантерии (1914). С июля 1914 г. генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего.

¹⁰ Иванов Николай Иудович (1851–1919) – генерал-адъютант (1907), генерал от артиллерии (1908). С 1908 г. командующий войсками Киевского ВО. С июля 1914 по март 1916 г. главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. За Галицийскую битву 1914 г. награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. В марте 1916 г. назначен членом Государственного совета и состоял при особе Е. И. В.

¹¹ Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) – генерал-лейтенант за отличия по службе (1908). С июля 1914 г. занимал пост начальника штаба Юго-Западного фронта. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (ВП 06.09.1914) и произведен в генералы от инфантерии (1914). Командующий Северо-Западным фронтом (1915). Начальник штаба Верховного главнокомандующего (с 18.08.1915). Генерал-адъютант (1916). Вр. и. о. Верховного главнокомандующего (11.03.1917) и Верховный главнокомандующий (02.04.1917).

¹² Т. е. в Русско-японской войне.

¹³ И Георгиевское оружие, украшенное бриллиантами (1905).

пья он стал начальником штаба 3-й армии. На этой работе он приобрел обширный боевой опыт, в первую очередь – штабной работы; этот опыт оказался для него очень полезен во время европейской войны.

Характер его можно описывать, ни о чем не умалчивая, поскольку он был безупречен. Даже на самых высоких постах он сохранил необыкновенную скромность, доступность и простоту, о которых с теплотой вспоминают все, кому довелось общаться с ним непосредственно. Его невозможно упрекнуть в излишней мягкости, поскольку он умел с необходимой жесткостью принимать меры для выполнения однажды принятых решений. Если и имелись в его характере недостатки, то они касались исключительно его общения с ближайшими помощниками и коллегами, на ошибки которых он был склонен смотреть с излишней терпимостью. Но, как известно, даже на солнце есть пятна, и генерала Алексеева в основном упрекали за то, что он стремился переделать все дела сам. Он вплоть до мельчайших деталей прорабатывал множество вопросов и проделывал массу подготовительной работы вместо того, чтобы распределить эти задачи между своими подчиненными, возложив на них ответственность за их безукоризненное и вдумчивое исполнение. Вполне естественно, что такие методы работы доставляли ему много неудобств и, возможно, заставляли его перенапрягаться, что и стало причиной болезни, которая незаметно подкралась к нему в октябре 1916 года и через несколько дней едва не свела в могилу. Только после четырех месяцев отдыха в солнечном Крыму он оправился достаточно для того, чтобы вновь приступить к исполнению своих обязанностей начальника штаба Ставки. Это произошло всего за несколько недель до революции. Позднее, хотя только на короткое время, он становится Верховным главнокомандующим русских армий. В этом качестве характер его деятельности изменился только очень незначительно, поскольку, будучи начальником штаба, он практически исполнял обязанности Верховного главнокомандующего в те периоды, когда Николай II отвлекался для отправления других государственных дел.

Следует ожидать и надеяться, что русский народ вновь призовет этого высокоодаренного благородного воина и предоставит ему возможность еще раз послужить столь страстно любимой им отчизне, которой он уже отдал сорок лет жизни и поистине безупречного и ревностного труда¹⁴.

Главнокомандующим группы армий Северо-Западного фронта был назначен генерал Жилинский. Относительно личности этого генерала я могу сообщить очень мало. Во время Маньчжурской кампании он занимал пост начальника штаба дальневосточного наместника, а также главнокомандующего. Он не добился тогда значительных успехов, а его влияние на ход боевых действий едва ли можно считать удачным. Несмотря на это, он перед нынешней войной на короткое время исправлял должность начальника Генерального штаба, будучи избран на эту роль военным министром генералом Сухомлиновым. Когда стал вакантным пост главнокомандующего войсками и генерал-губернатора в Варшаве, Жилинский использовал все свое влияние для того, чтобы занять его, и в том преуспел. Должен с огорчением отметить, что это лишний раз доказывает – в тот период назначения на наиболее ответственные и важные посты производилось по самым различным причинам, самой последней из которых по значимости являлась пригодность назначаемого лица. Став командующим Варшавским военным округом, он в случае войны с Германией назначался главнокомандующим расквартированными в округе войсками, хотя его военные способности, продемонстрированные на Русско-японской войне, делали его непригодным для этой должности. Последующие события только подтвердили впечатление о его неспособности занимать ответственный пост главнокомандующего. При открытии кампании, когда его действия должны были быть направлены на согласование операций

---

¹⁴ Генерал Алексеев стал одним из зачинателей Белого движения на юге России. День (2(15).12.1917), когда он опубликовал воззвание к офицерам, призывая их спасти Родину, принято считать датой основания Добровольческой армии. Алексеев принял на себя в ней гражданское и финансовое управление и внешние сношения, а позже пост верховного руководителя. Умер в Екатеринодаре; прах его в 1920 г. при отступлении ВСЮР перевезен в Белград.

генералов Самсонова¹⁵ и Ренненкампа¹⁶, он оказался совершенно не в состоянии выполнять то, что от него требовалось.

Среди лиц, получивших назначения на должности командующих армиями, я должен упомянуть генералов Самсонова, Брусилова¹⁷ и Ренненкампа. Первые двое из них сыграли исключительно важную роль в первые дни войны, а третий приобрел во время Русско-японской войны, так же как в ходе Маньчжурской кампании 1900 года¹⁸, репутацию необычайно энергичного, упорного и мужественного солдата, наделенного большими военными способностями.

В то же время я с сожалением должен отметить, что в нравственном отношении его репутация оставляла желать лучшего. Невзирая на это обстоятельство, он непосредственно перед войной был назначен командующим приграничными силами на Восточно-Прусском направлении в Виленском военном округе, где он раньше командовал 3-м армейским корпусом. Это назначение многими критиковалось по причине не лучшего с точки зрения нравственности реноме генерала, но одновременно и приветствовалось как назначение человека, способного в случае войны достойно послужить родине. Впоследствии, когда военное счастье ему изменило, публика вспомнила о его немецком происхождении. Сообщали даже, что его родной брат будто бы служил в германской армии. Так или иначе, он пострадал точно так же, как и многие другие, от которых отвернулась удача. Общественное мнение в поисках причин и оправданий военного поражения неизбежно прибегает к слову «изменник» и ищет подтверждения даже в тех случаях, когда это обвинение заведомо безосновательно. Во всяком случае, немецкое происхождение генерала Ренненкампа было неоспоримым фактом; несмотря на это, следует помнить, что всякий, кому приходилось с ним общаться, неизбежно проникался убеждением, что все его симпатии отданы России, в особенности – ее армии, в которой он прослужил сорок лет и приобрел репутацию блестящего военачальника. При описании последующих событий я еще буду говорить о Ренненкампе. Здесь все же я могу утверждать, что его отличали большая смелость, настойчивость и решительность при планировании боевых операций. Несомненно, Франция должна быть благодарна ему за свою победу на Марне, а следовательно, и за спасение Парижа от германского нашествия.

Личность генерала Самсонова несколько менее яркая. Подобно генералу Ренненкампу, он получил образование в Николаевской военной академии, а во время Маньчжурской войны, в ходе которой он в основном командовал кавалерийскими частями, заработал себе отличную репутацию. В вопросах морали он был безупречен, что вызывало к нему любовь и уважение в войсках. Несмотря на то что он был наделен блестящим умом, подкрепленным хорошим военным образованием, ему никогда не доводилось проявить силу характера или решительность.

---

¹⁵ Самсонов Александр Васильевич (1859–1914). Во время Русско-японской войны за отличия награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (ВП 27.01.1907) и золотым оружием (1906). Генерал от кавалерии (1910). С 19.07.1914 командовал 2-й армией. После окружения центральных корпусов армии застрелился. В апреле 1915 г. тело генерала было доставлено в Петроград.

¹⁶ Ренненкампф Павел Георг Карлович фон (1854–1918) – генерал-майор (1900). Принимал участие в Китайской кампании 1900 г., за боевые отличия награжден орденом Св. Георгия 4-й и 3-й степеней (1900). Во время Русско-японской войны за боевые отличия произведен в чин генерал-лейтенанта (1904) и награжден золотым оружием с бриллиантами (1906). Генерал от кавалерии (1910). Генерал-адъютант (1912). С 1913 г. командовал войсками Виленского ВО. С 19.07.1914 по 18.11.1914 командовал 1-й армией. В октябре 1915 г. уволен от службы с мундиром и пенсией. В 1918 г. арестован ВЧК в Таганроге; отказался от предложения вступить в Красную армию. Расстрелян.

¹⁷ Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – генерал от кавалерии (1912), кавалер множества российских орденов, в т. ч. Св. Георгия 4-й и 3-й степеней (1914). Генерал-адъютант (1915). Георгиевское оружие (ВП 27.10.1915). Главнокомандующий Юго-Западным фронтом (1916). За прорыв позиций противника летом 1916 г. награжден Георгиевским оружием с бриллиантами (ВП 20.07.1916).

¹⁸ Имеется в виду совместная операция европейских, американских и русских войск (1900–1901) по подавлению ихэтуаньского (иначе – боксерского) восстания в Северном Китае в 1899–1901 гг.

Характер генерала Брусилова труднее поддается анализу. Его военная карьера не предоставила ему случая испытать свои способности. Большая часть его службы прошла в офицерской кавалерийской школе¹⁹, где он больше имел дело с техническими аспектами подготовки войск, нежели с их боевым применением.

Эта служба по крайней мере позволила ему довести до совершенства свои теоретические познания и изучить [современную] военную проблематику, что было для него совершенно необходимо, поскольку он не получил высшего образования в Николаевской академии. Несмотря на это, его действия в нынешней войне показывают, что он, несомненно, обладает определенными военными дарованиями. Он не лишен способности воодушевлять своих людей, что неоднократно проявлялось в ситуациях, когда подчиненные ему войска попадали в трудное положение. В начале войны фамилия Брусилова была в русской армии почти совершенно неизвестна, но его изобилующая победами карьера на первом же месте боевой службы быстро выдвинула генерала в первые ряды наиболее популярных личностей. Но разумеется, наибольшее внимание привлекло его победоносное наступление весной 1916 года, которое было призвано облегчить положение Италии в момент, когда эта страна оказалась под угрозой разгрома австрийской армией. Его восходящая звезда достигла тогда зенита. Впоследствии общественный интерес к нему постепенно угас. Его падение было вызвано крайне оппортунистическим поведением генерала после революции 1917 года. Этим его качеством вполне воспользовалось Временное правительство, премьером которого был тогда князь Львов. Брусилова назначили Верховным главнокомандующим русскими армиями, но это только окончательно уничтожило его в глазах образованных слоев русского общества, и в первую очередь в глазах всего русского офицерства. Поэтому его отставка с поста Верховного главнокомандующего никого не удивила, и никто о нем особенно не сожалел²⁰.

Тем не менее необходимо признать, что в его личности было больше положительных черт, нежели отрицательных.

---

¹⁹ Брусилов прослужил там более 15 лет, начав с инструктора верховой езды и закончив начальником школы.

²⁰ 21.05.1917 Брусилов был назначен Верховным главнокомандующим. После неудачного июньского наступления 19.07.1917 заменен генералом Корниловым. С 1919 г. в РККА.

Глава 2 СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ

Прежде чем говорить о стратегическом развертывании русских армий на пространстве от Балтийского моря до румынской границы, следует бегло взглянуть на карту наших западных приграничных районов. Наше внимание привлечет исключительность положения, которое занимает часть бывшего Польского королевства, находившаяся под суверенитетом России.

Русская Польша, глубоко врезающаяся во владения наших противников, позволяла нам близко подобраться к их важнейшим и наиболее густонаселенным центрам. В то же время вражеские армии с легкостью могли зажать это обширное пространство в клещи. Только громадное превосходство сил давало бы нам возможность использовать этот далеко выдающийся вперед выступ польской территории в качестве передового исходного пункта для вторжения в Германию и Австрию. Если же нам не удавалось достичь такого превосходства в расчете на одновременную борьбу с обоими противниками, то западные соседи русской Польши получали возможность ослабить наше стратегическое положение – в особенности на том этапе войны, когда неприятель мог развернуть превосходящие силы быстрее, чем это могли сделать мы.

По этой причине наши стратегические планы никогда не предусматривали оборону той части Польши, которая лежит по левому, западному берегу Вислы; именно поэтому мы в течение многих лет не строили укреплений на наших действительных границах, зато укрепляли линию по реке Висла. Однако после Маньчжурской кампании, когда русское правительство использовало всякую возможность для сокращения военных расходов, возникла мысль перенести наши оборонительные линии еще дальше на восток к Брест-Литовску. Печально, но эта идея получила одобрение, и незадолго до начала боевых действий все передовые укрепления вокруг Варшавы и близ крепости Зегрже, расположенной при слиянии рек Западный Буг и Нарев, были взорваны. Тем не менее у этого плана имелось множество противников; он был встречен большим количеством весьма основательных критических замечаний. В условиях военной цензуры пресса не могла освещать перед обществом обсуждение данного вопроса, и потому трудно судить, какие мотивы побудили военного министра генерала Сухомлинова принять столь радикальные меры.

Хотя в тот момент я никоим образом не был связан с военной администрацией, но воспользовался случаем и при первой встрече с военным министром поднял этот вопрос.

Не вдаваясь в подробности, скажу только, что министр дал мне следующее объяснение. (Это произошло в 1910 году, за два года до того, как была начата работа по уничтожению варшавских фортов.)

Крепости Варшавы, Новогеоргиевска²¹ и Зегрже, составляющие так называемый крепостной треугольник, по мнению военных инженеров и, что особенно важно, артиллерийских экспертов, в настоящее время совершенно устарели.

Приведение их в соответствие с современными требованиями потребует возведения совершенно нового пояса отдельных фортов и создания, так сказать, полностью укрепленного района; но для этого, во-первых, понадобятся громадные ассигнования, а во-вторых, при этом возникнут неудобства, связанные с включением в укрепленный район города с миллионным населением. Решение этой проблемы, по мнению генерала Сухомлинова, заключалось в охвате Новогеоргиевска новым поясом вполне современных фортов, включающих форт Зегрже и внешние передовые укрепления Варшавской крепости при условии доведения этих последних до уровня современных требований.

---

²¹ Новогеоргиевск (когда-то – Модлин) – крепость в Варшавской губернии в нескольких километрах ниже Варшавы при слиянии Вислы с Буго-Наревом. Его не следует путать с одноименным бывшим городом на Украине, затопленным в результате сооружения Кременчугской ГЭС.

Это давало бы значительные преимущества, а именно: возможность при меньших затратах получить вполне современные крепости, исключение из границ крепостного района города Варшавы и, кроме того, обеспечение господства крепостного лагеря в Новогеоргиевске над самой Варшавой и над проходящими через нее дорогами.

Невозможно не признать, что перечисленные аргументы в условиях того времени были вполне основательны и практичны.

Я никогда не понимал и при всем желании не смогу объяснить, почему, вместо реализации данного плана, начали с уничтожения Варшавской крепости, даже не утвердив еще строительства линии фортов вокруг Новогеоргиевска, и, что еще того хуже, разрушили затем форты в окрестностях Зегра. Больше случая поговорить на эту тему с генералом Сухомлиновым мне не представилось.

При разработке нашего стратегического плана неизбежно сталкивались два мнения. Учитывая необходимость борьбы с двумя противниками, одна из сторон спора настаивала на сосредоточении основной массы войск против сильнейшего неприятеля – Германии, противопоставив более слабому противнику, Австрии, относительно незначительные силы.

Оппоненты этой точки зрения полагали разумным сначала нанести главный удар по Австрии, чтобы потом, расправившись с ней, бросить все имеющиеся силы против Германии. Каждая из сторон выдвигала в пользу того или иного плана очень весомые теоретические и практические аргументы. Обсуждение всех приводившихся доводов заняло бы слишком много времени и оказалось бы чересчур специализированным. Замечу только, что план стратегического развертывания, который начал выполняться в 1914 году в начале мобилизации, был основан на втором варианте, то есть предполагал нанесение главного удара по Австрии с тем, чтобы наступать на Германию позднее.

Установить, до какой степени германцы были информированы о наших намерениях, весьма сложно. Однако не вызывает сомнения их способность, исходя из теоретических соображений, прийти к выводу, что русская армия не сможет одновременно нанести удары и по Австрии, и по Германии. В действительности Германия находилась в таком же положении, как и мы сами; она должна была решить, на каком театре войны следует нанести основной удар – против Франции или против России.

Германцы предпочли нанести главный удар по Франции как по противнику, который раньше сможет подготовиться к решительным действиям. Однако едва ли можно сомневаться в том, что Германия, основываясь на изучении различных признаков наших боевых приготовлений, не говоря уже об информации, получаемой благодаря подкупу изменников или даже путем шпионажа, была осведомлена о важнейших чертах русского плана стратегического развертывания. Такое положение дел облегчало действия Германии и обеспечивало ей большую свободу в решении направить основную массу своих войск против Франции, оставив на границах Восточной Пруссии только относительно незначительные силы и почти совершенно пренебрегая защитой своих границ к западу от Вислы. К тому же Германия рассчитывала на медлительность нашей мобилизации, а потому побуждала Австрию возможно быстрее начать наступление в Подолии и Волыни, а также по правому берегу Вислы для захвата Варшавы с востока. Вполне возможно, что этот план удалось бы полностью реализовать, если бы наше наступление, начавшееся раньше, чем могли ожидать германцы, не воспрепятствовало его выполнению. В результате мы, двигаясь вперед для нанесения главного удара, столкнулись лицом к лицу с австрийцами. В Восточной Пруссии наше наступление было обеспечено прорывом, который генерал Ренненкампф осуществил, используя все имевшиеся в его распоряжении средства, вопреки связывавшим его инструкциям, которые ему непрерывно посылал генерал Жилинский.

* * *

Великая европейская война застигла меня в 1914 году во главе 1-й армейской кавалерийской дивизии, которая в мирное время была расквартирована в Москве и по городкам в окрестностях древней столицы. Я командовал этой дивизией немногим более трех лет и близко знал всех ее чинов, начиная от самых заслуженных штаб-офицеров и кончая последним только что поступившим в полк подпоручиком. Вступая в войну во главе этой дивизии, я был совершенно доволен, поскольку чувствовал, что среди своих подчиненных наверняка найду достойных доверия помощников для выполнения самых сложных и рискованных задач, которые только могут выпасть на долю кавалерии. Для мобилизации и подготовки к выступлению нам было дано два дня, не считая еще двух дней, которые предназначались для того, что называлось «подготовкой к мобилизации». В действительности мы были готовы сняться с места и начать погрузку в эшелоны уже через двадцать четыре часа – срок, который в мирное время требовался для подготовки к выступлению нашей пограничной кавалерии.

В полках моей дивизии известие о предстоящей кампании встретили с большим подъемом и горячим желанием применить на практике все те знания и умения, которые в мирное время накапливались годами спокойного упорного труда. За все время, пока длилась мобилизация и переброска дивизии из наших казарм в Москве и ее окрестностях в городок Сувалки, где мы выгрузились из эшелонов, среди нижних чинов не произошло ни единого случая серьезного нарушения дисциплины – так сильно оказалось в них сознание своего долга.

После проведения мобилизации определяющим настроением гражданского населения, насколько мы могли судить, стало общее спокойное желание достойно выполнять свой долг и вносить как можно больший вклад в дела страны. Поэтому не происходило никаких особенно шумных уличных шествий или массовых собраний, зато повсюду можно было ощущать духовный и интеллектуальный подъем и понимание того, что Россия и ее союзники взяли за оружие во имя справедливых целей.

Не было заметно никаких проявлений шовинизма или агрессивности, как не было и никакой ненависти к врагу²²; в то же время каждый говорил, что в борьбе за справедливое дело победа должна быть на нашей стороне.

Такое же настроение царило на всем нашем пути к фронту. Перевозка прошла без задержек, и в предписанный день (6 августа) ближе к вечеру мы прибыли в Сувалки. К исходу следующего дня вся моя дивизия расположилась на бивуаках в окрестностях и в драгунских казармах неподалеку от города. Мы были включены в состав 1-й армии, которой тогда командовал генерал Ренненкамф. В это время в Сувалках находился штаб 5-й стрелковой дивизии. Полки этой дивизии уже были придвинуты к нашей границе и занимали ее участок от знаменитого Роминтенского леса и на шестьдесят километров в южном направлении. В этот самый Роминтенский лес император Вильгельм имел обыкновение приезжать каждый год в сопровождении ближайших друзей и членов семьи охотиться на оленей. Обыкновенно он приглашал к себе и представителей местных русских властей, среди которых очень часто оказывался губернатор Сувалкской губернии. Часто там бывал небезызвестный полковник Мясоедов, который тогда был начальником жандармского управления в пограничном городке Вержболово²³, расположенном напротив Эйдкунена приблизительно в ста километрах от Роминтена. Мясоедова каз-

---

²² Хочется думать, что генерал добросовестно заблуждался. Все эксцессы, перечисленные им как не имевшие места, происходили во множестве. Разгром посольств в Петрограде, гостиниц, принадлежавших германцам, довольно оголтелые манифестации и т. д. и т. п.

²³ Вержболово – русская пограничная с Германией железнодорожная станция (с германской стороны – Эйдкунен), после 1917 г. – г. Вирбалис в Литве.

нили в 1915 году после того, как было установлено, что он занимался шпионажем в пользу Германии²⁴.

Прибыв в Сувалки, я немедленно как старший начальник подчинил себе стрелковую дивизию и возложил на себя обязанности временного генерал-губернатора, поскольку гражданский губернатор выехал вместе со своей канцелярией – насколько помню, в Ковно.

Доложив обо всем генералу Ренненкампу, я занялся инспекцией границы и егерских частей, которые уже имели вооруженные столкновения с небольшими германскими отрядами, дислоцированными примерно в двадцати километрах по ту сторону границы. Одновременно я начал давать несложные задания отдельным подразделениям своей дивизии, главные силы которой по-прежнему оставались в Сувалках.

Разумеется, командуя в течение трех лет полками своей дивизии, я очень близко познакомился с их индивидуальными особенностями, однако не мог теперь избавиться от тревоги – до какой степени они окажутся в моих руках надежными орудиями, когда придется решать ответственные боевые задачи. Конечно же любой военный понимает, какую громадную роль играет личность командира в малом или большом армейском механизме. Кроме того, он знает, какое значение имеет личный пример начальника; к сожалению, должен отметить, что большинство понимает «личный пример» в том смысле, что в первую очередь сам начальник обязан в бою подавать пример личного мужества. На самом же деле не меньшую важность имеет личный пример командира во всем, что касается рутинной жизни войск, и пример этот должно подавать ежедневно своим поведением на службе. Принимая участие в сражении, необходимо в первую очередь уяснить себе, что всякий человек, отправляющийся в бой, не может не понимать, что подвергает опасности свою жизнь и что только такой ценой он может добиться требуемых от него результатов. Следовательно, любой боец должен быть одушевлен какими-то чувствами, которые подавили бы страх, в большей или меньшей степени испытываемый в момент серьезной опасности почти всяким человеком. Такими чувствами может стать сознание своего долга, понимаемое в самом широком смысле, или же страх более сильный, чем боязнь вражеской пули или клинка. Возможно, сказанное мной не слишком лестно для человеческого рода, но только таким образом можно оправдать вынесение смертного приговора за измену воинскому долгу тому, кто, например, бежал с поля боя. Это, однако, самая крайняя мера, и в обязанности начальника входит использование всех мыслимых способов для предотвращения ситуации, требующей применения смертной казни. Пренебрежение данным правилом может иметь самые прискорбные последствия, и бессмысленное кровопролитие, которое может от этого проистечь, без сомнения, ляжет тяжелым бременем на совесть начальника, который его допустил. Поэтому одним из способов успешного проведения боевых операций является применение начальником в отношении своих подчиненных чрезвычайной строгости; в то же время каждый командир должен помнить, что за подобную суровость его не осудят – напротив, она будет только способствовать большему к нему уважению при условии, что он подчиняется тем же жестким правилам, которые сам и устанавливает.

За три года своей службы в Москве я ни разу не имел случая применить особую строгость к своим подчиненным. Причина заключалась в том, что ни один из них ни при каких обстоятельствах не пренебрегал злостно своими служебными обязанностями.

Я никогда не сомневался в том, что они останутся так же верны своему долгу и в боевых условиях. Тем не менее разница между мирной работой и войной столь велика, что репутацию, заработанную в мирное время, не всегда удается поддержать в бою.

По этой причине я опасался, что мои подчиненные могут сделать вывод о моей неспособности применить на войне в случае необходимости крайнюю строгость. Имея это в виду, я хотел, чтобы судьба, при открытии моей дивизией боевых действий, послала мне удобный

---

²⁴ Вопрос крайне темный. Есть множество свидетельств установленной тогда же невиновности Мясоедова.

случай продемонстрировать конкретный пример строгости. Я был совершенно уверен в том, что тогда я освобожусь от необходимости и в дальнейшем прибегать к крайним мерам. Такой случай мне представился.

Одна из первых операций, выполнение которых я доверил своим частям в боевых условиях, состояла в посылке трех эскадронов – по одному от каждого из полков дивизии – и казачьей сотни в разных направлениях на германскую территорию для выяснения силы и позиций неприятеля, расположившегося перед фронтом 5-й стрелковой дивизии. Все эскадронные командиры и сотник получили инструкции относительно маршрутов следования и районов, о которых надо было собрать информацию; они должны были сделать это с помощью небольших партий разведчиков.

В действительности же вышло так, что три эскадронных командира договорились объединить свои силы и двигаться всем вместе. Выполнив операцию, они на следующий день возвратились с докладами, причем при этом не скрывали того факта, что не следовали по предписанным мной маршрутам, но представили различные со своей точки зрения основательные причины отступления от приказа. Я решил их проучить. Собрав всех офицеров, я ознакомил их со своим решением отстранить от командования двух эскадронных командиров, которые присоединились к третьему, а потому двигались по маршруту, отличному от указанного мной, – впредь до тех пор, пока они боевой службой не оправдают своего возвращения на прежние должности. Кроме того, я воспользовался случаем показать подчиненным, что именно я понимаю под точным исполнением полученного приказа и какие страшные последствия может иметь неподчинение приказу. Я объяснил им, что в военное время ни один боевой успех недостижим иначе, чем ценой крови, но пренебрежение приказом очень часто в результате приводит к ненужному кровопролитию. Я сказал им, что готов взять на себя ответственность за пролитую кровь, но только при том условии, что они при любых обстоятельствах будут выполнять мои приказы до последней крайности. С другой стороны, я отметил, что в случае невыполнения моих приказов ответственность за ненужное смертоубийство всецело ляжет на тех, кто не следовал в точности полученным указаниям. Мне больше никогда не представилось случая проверить действенность своих слов, но должен отметить, что за те три с половиной месяца, в которые я продолжал оставаться начальником этой дивизии, мне не пришлось больше ни разу прибегать к строгим или крутым мерам воздействия на подчиненных. При этом не следует забывать, что в тот период кампании кавалерийским офицерам постоянно приходилось выполнять приказы в одиночку и без какого бы то ни было контроля со стороны начальства. Упомяну один характерный эпизод. Действуя почти все время на левом фланге 1-й армии, я постоянно посылал отдельные эскадроны и сотни для обсервации направления нашего движения или окрестностей. Как правило, эти эскадроны и сотни заменялись на свежие через каждые три дня. В результате какого-то маневра, в котором участвовала вся дивизия, я оказался не в состоянии послать казачью сотню на смену казакам, которые наблюдали за окрестностями маленькой германской крепости Лётцен. Командир сотни, которая пробыла в этом районе три дня, решил, что время их дежурства истекло, а потому, не дожидаясь смены, вернулся в дивизию, покрыв при этом более шестидесяти верст, и явился ко мне с докладом. Выслушав рапорт сотника, я сообщил ему, что он не выполнил данные ему инструкции, а потому должен немедленно переседлать коней и возвратиться со своими казаками на прежнее место. В результате, когда через несколько дней наши войска начали общий отход из Восточной Пруссии, мне только с большим трудом удалось вернуть к себе эту сотню. Невзирая на то что германцы наседали на казаков со всех сторон и угрожали полным окружением, сотник оставался на месте до тех пор, пока не получил приказ к отступлению, переданный через рядового казака, которому посчастливилось до них добраться.

Глава 3 ПЕРВЫЕ БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ

Сведения, полученные в это время от нашего разведывательного дозора, показывали, что вблизи от городка Маргграбова, находившегося приблизительно в шестнадцати километрах от наших позиций, наблюдается некоторая концентрация германских войск.

Очевидно, похожая информация была получена и в штабе генерала Ренненкампа. Как следствие, я получил приказ генерала Ренненкампа использовать для выяснения масштабов этого сосредоточения неприятельских войск все средства разведки – пусть даже разведки боем.

Имея в своем распоряжении, помимо собственной кавалерийской дивизии, еще и 5-ю стрелковую, я решил в ту же ночь провести на фронте шириной приблизительно в двадцать пять – тридцать километров крупную демонстрацию силами конных и одной пехотной колонн. План состоял в том, чтобы пустить по флангам с севера и с юга от Маргграбовы кавалерийские колонны, а пехоту двинуть прямо на городок с таким расчетом, чтобы кавалеристы вошли в соприкосновение с неприятелем на несколько часов раньше пехоты. Появление конницы на железнодорожной линии Маргграбова – Гумбиннен несомненно должно было вынудить германцев отправить по железной дороге из Маргграбовы в этот пункт подкрепление. Наши разведчики могли бы тогда выяснить его силу, тогда как гарнизон Маргграбовы был бы ослаблен, что должно было облегчить пехотной колонне захват городка. Маргграбова с востока прикрыта озерами, составляющими часть Мазурской озерной системы, и подход к городу был возможен только по двум узким перешейкам, которые с легкостью можно было оборонять относительно малыми силами. Фланговым кавалерийским колоннам следовало иметь при себе артиллерию, огнем которой они и должны были обнаружить свое присутствие. Мои расчеты основывались еще и на том, что германцы приложат все усилия для обеспечения превосходства, дабы не рисковать даже частичным поражением при первом же столкновении на этом участке фронта.

Пехотная колонна состояла из одного стрелкового полка при одной полевой батарее под общим командованием полковника Тарановского, который впоследствии командовал русской экспедиционной дивизией в Салониках. Поскольку задача этой колонны была самой сложной, а также потому, что для стрелков этот бой должен был стать боевым крещением, я решил отправиться с этой частью своих сил. Вся кавалерийская дивизия выступила из Сувалков в ночь на 11 августа с намерением до утра пересечь границу. Пехотная колонна, к которой я присоединился незадолго до рассвета, должна была перейти на вражескую территорию через час после конницы, когда конные разъезды уже вошли бы в соприкосновение с неприятельской пехотой, охранявшей железную дорогу Маргграбова – Гумбиннен.

* * *

Вместе со стрелковой колонной я на рассвете пересек прусскую границу. Когда только стало светло, мы, к своему изумлению, заметили впереди множество пожаров, тяжелый дым от которых в спокойном утреннем воздухе поднимался в небо толстыми черными столбами. По положению этих дымных столбов я мог определить, что они согласуются с передвижениями трех высланных мной кавалерийских колонн. Естественно, первое, что пришло в голову, было то, что мои кавалеристы жгут окрестные фермы, уничтожая фураж и необмолоченное зерно. Поскольку это не входило в мои планы, я незамедлительно разослал нарочных с приказом прекратить поджигательство. Однако еще прежде, чем были доставлены ответы командиров колонн, я смог успокоить себя тем, что пожары не были делом их рук. Что явилось настоящей причиной этих пожаров, мы так никогда и не узнали. Однако по мере продвижения в глубь Восточной Пруссии мы часто видели подобную же картину. При приближении сколько-

нибудь значительной русской воинской части из амбаров, полных фуража или соломы, начинали подниматься толстые столбы дыма. Как правило, это происходило на фермах, ближайших к голове наступающей колонны. Таким путем точное направление и скорость движения наших войск была видна с огромного расстояния. Естественно, что в подобных случаях нам оставалось только прибегнуть к каким-либо мерам карательного характера, хотя это и оборачивалось для нас множеством неприятностей. При малейших признаках нашего наступления местное население спасалось бегством в западном направлении, увозя на тележках свои наиболее ценные пожитки. Это явление было так распространено, что могло объясняться только скоординированными действиями германских властей. Единственными человеческими существами, которые время от времени попадались нам на глаза в покинутых поселках, были очень старые, едва способные волочить ноги мужчины и женщины. Довольно часто мы встречали, а еще чаще видели исчезающими вдалеке велосипедистов. Все они без исключения были мальчишками в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет.

Бегство жителей происходило с такой поспешностью, что часто наши наступающие войска находили в домах остатки недоеденных трапез или скот, привязанный к стойлам в хлевах и коровниках. Бывали случаи, когда на брошенных фермах скотина оставалась по несколько дней некормленной и непоеной. Если нашим войскам случалось проходить мимо, бедные животные заглушали своим непрерывным ревом все звуки в округе. Естественно, русские солдаты выпускали их прямо в поля, имея в виду, что однажды, когда-нибудь позднее, они могут оказаться полезны для наших войск. Во всяком случае, если поджоги действительно предназначались для оповещения германцев о нашем приближении, они оказывались отчасти полезны и нам самим, поскольку указывали местоположение наших наступающих колонн гораздо быстрее, чем могли поступать соответствующие донесения. Таким образом я мог ясно видеть, как мои кавалерийские колонны примерно через два часа после пересечения границы вышли к железной дороге на расстоянии каких-нибудь пятнадцати – двадцати километров от нас. Очевидно, они вступили в бой, поскольку мы слышали артиллерийскую стрельбу. Спустя примерно два часа канонада усилилась, из чего я мог сделать вывод, что германцы отправили вместе с подкреплениями и артиллерию. Мы были тогда чрезвычайно скудно снабжены телеграфной и телефонной аппаратурой и связистами. Действительно, дивизионным штабам выделялось только по одному подразделению связи численностью примерно в шестьдесят человек. В полках также имелись свои обученные связисты, но у них не было никаких технических средств. К тому же эти люди не умели еще прокладывать линии со скоростью, необходимой для обеспечения связью движущихся колонн конницы.

В середине августа, когда кавалерийские части постоянно проходили по пятьдесят и более километров в день, организация связи была наконец приведена в порядок; используя германские телеграфные столбы и провода, наши связисты наращивали существующие линии либо снимали их для использования в другом месте. В результате наши колонны и штабы получали телефонную связь со своими тылами не позднее чем через час после прибытия на место, где они намеревались остановиться на ночлег.

С сожалением должен сказать, что в тот период связь между штабами крупных войсковых частей была еще налажена недостаточно. За мной всегда следовал взвод беспроволочной телеграфии, но я мог пользоваться их аппаратами только во время остановок на ночлег, причем только для связи со штабом армии, поскольку пехотные армейские корпуса тогда еще не получили станций беспроволочного телеграфа.

Зная о передвижениях наших кавалеристов по занимающимся пожарам, пехотная колонна, в которой находился я сам, медленно наступала, встречая только вялое сопротивление маленьких германских пехотных дозоров и продвигаясь в направлении озерных перешейков, по которым были проложены щебеночные дороги, ведущие в Маргграбову. Я должен был ускорить наступление пехоты, так как опасался, что слабые кавалерийские колонны, каждая из

которых располагала только пятьюстами активными саблями, окажутся не в состоянии достаточно долго продолжать бой с германской пехотой, высланной из Маргграбовы. Кроме того, существовала опасность, что по окончании боя эти пехотные части вернутся в Маргграбову и займут позиции на перешейках либо усилят заслоны, которые там уже выставлены, тем самым препятствуя или, по крайней мере, затрудняя мое вступление в городок. Моей главной целью являлся захват в Маргграбове телеграфа и почтовой конторы со всей корреспонденцией, из которой мы надеялись почерпнуть очень ценные сведения о неприятеле.

Мои планы оказались отчасти удачными; возвращение германской пехоты и артиллерии, отправленной, как я и предполагал, из Маргграбовы, было затруднено разрушением железнодорожного полотна и действием небольших оборонительных застав нашей кавалерии. Это задержало движение германцев на несколько часов, а местами, возможно, даже на целый день.

Когда наша пехота приблизилась к перешейкам, то обнаружилось, что они удерживаются маленькими отрядами пехоты и самокатчиков (как мы позднее выяснили). Их численность установить не удалось, поскольку большая часть велосипедистов отступила на запад и юго-запад от городка, бросив на дороге около шестидесяти велосипедов. Ими немедленно завладели наши стрелки, а отчасти даже и кавалеристы. Пока продолжался бой за перешейки, я приказал ближайшей к нам кавалерийской колонне присоединиться ко мне. В этот отряд входили уланский и драгунский полки, так что, когда стрелки захватили перешейки и закрепились, обеспечив пути отхода, вперед двинулись два кавалерийских полка с конноартиллерийской батареей. Они должны были захватить Маргграбову и занять железнодорожный вокзал, почту и станции телефона и телеграфа, чтобы полностью уничтожить эти объекты. Я помню, что один из офицеров, двумя днями ранее отстраненный мной от командования эскадронам драгун, получил приказ захватить железнодорожную станцию. Во главе полуэскадрона он выполнил поставленную задачу наилучшим образом, быстро и ловко. Менее удачлив оказался другой наказанный мной офицер – тот, что командовал гусарским эскадронам. Во время боя, который вела другая наша колонна, он пошел в наступление впереди своего подразделения и был убит. Он оказался первым офицером, которого потеряла дивизия. После получасового боя стремительная атака стрелков выбила германцев с перешейков, что позволило нам войти на окраину городка. К этому времени на подходе были наши уланы. Когда они прибыли, стрелки уже были на перешейках. Я спешил эскадроны и приказал им в рассыпном строю занять ближние подступы к Маргграбове. Когда я к ним подъехал и сошел с коня, эскадронный командир улан штабс-ротмистр Македонский доложил мне, что всего несколько минут назад со стороны городка к ним приблизился германский автомобиль, снабженный эмблемами Красного Креста. Ехавшие в нем предложили уланам свои услуги на случай, если у них есть раненые. Но еще прежде, чем Македонский успел ответить, нуждаются ли раненые в помощи, водитель машины, воспользовавшись тем, что дорога в этом месте была достаточно широка, развернулся и быстро умчался в направлении города. Я объяснил Македонскому, что этот «санитарный автомобиль» не столько хотел оказать нам медицинскую помощь, сколько помочь разведчикам германских частей, оборонявших подступы к Маргграбове, и посоветовал ему впредь подобные машины задерживать и отсылать под охраной в мой штаб. К этому времени вся Маргграбова, расположенная на склоне, обращенном к озеру Олечко, находилась у меня перед глазами.

Даже без полевого бинокля было видно, что над всеми большими зданиями вывешены белые флаги с красными крестами. Позднее мы выяснили, что некоторые из этих домов действительно были приспособлены под госпитали; другие, как сообщили нам их жильцы, были намечены для той же цели; так же использовались и все школьные здания. Поскольку это оказался первый случай, когда один из моих полков шел в бой в моем присутствии, я счел правильным, отдав все необходимые распоряжения, присоединиться к первому уланскому эскадрону. Итак, шагая рядом с штабс-ротмистром Македонским в передовой цепи спешенных улан, я двинулся в направлении ближних подступов к Маргграбове, откуда была слышна беспоря-

дочная винтовочная пальба, которую вели из садов и окон домов, отмеченных эмблемой Красного Креста. Откуда-то с фланга доносились пулеметные очереди; два наших пулемета открыли ответный огонь. Германский пулемет, установленный, как видно, в окне высокого здания, замолчал. Цепь наших улан, временами постреливая, упорно двигалась к садам, опоясывавшим уютный городок. Было предельно ясно, что делать мне впереди атакующих цепей совершенно нечего, но существовало множество причин, заставлявших меня оставаться именно там вопреки букве устава, в котором записано, что командующий не должен уделять все внимание одному маленькому участку, поскольку это неизменно оборачивается вредом для общего развития боя. Это основополагающее правило конечно же незнакомо каждому рядовому, однако на солдат присутствие начальника в непосредственной близости от них производит сильное впечатление, так же как и знание того, что командир при необходимости может появиться на самой передовой линии. Я не сомневался, что мое присутствие на линии огня станет известно во всех полках дивизии и впоследствии избавит меня от необходимости лично появляться в передовых цепях, рискуя потерять общее управление боем. Не следует забывать, что в маневренной войне, в отличие от позиционной, которую называют еще траншейной войной, гораздо чаще происходят всевозможные непредвиденные события и неожиданности. Поэтому особенно важно, чтобы командующий отдавал приказы как можно быстрее и своевременно предпринимал меры, необходимые для предотвращения негативных последствий этих неожиданностей. Тем временем наши уланы, подкрепленные спешенными драгунскими эскадронами, постепенно просочились на окраины города; германский огонь по мере их продвижения ослабевал. К этому моменту стало очевидно, что германцы не намерены упорно защищать город, а вместо этого предпочтут его оставить.

К тому времени, когда спешенные кавалерийские части вошли в город, стрельба совсем стихла. Город имел совершенно мирный вид. Почти все магазины были закрыты, но витрины не забраны ставнями, и, как видно, здесь только что прекратили торговать. Из окон на происходящее с интересом глазело много народу; в основном это были женщины. На вопросы о местонахождении телеграфа, почты и телефонной станции они отвечали с готовностью. Все эти здания мы нашли на единственной городской площади. Мой штаб незамедлительно организовал группы для захвата всей корреспонденции и для уничтожения телеграфных и телефонных аппаратов. За разрушение находящегося на крышах телефонного оборудования добровольно взялся адъютант командира моего дивизиона полевой артиллерии артиллерийский подпоручик Шаталов. Взобравшись на крышу, он сначала добросовестно принялся за выполнение задания по совершенному истреблению аппаратуры, не ограничиваясь при этом только битьем изоляторов и обрыванием проводов. Потом, приказав солдатам закончить работу, он начал осматривать окрестности, а в первую очередь проселочные дороги на ближайших подступах к городу. При этом он непрерывно докладывал обо всем увиденном стоящему на площади штабному офицеру. Спустя некоторое время он сообщил, что с одной стороны городка видны небольшие группы вражеских самокатчиков, быстро катящих прочь, а по другую сторону наблюдается какая-то колонна, движущаяся в направлении южной окраины Маргграбовы, которая была прикрыта только очень малочисленными заставами моей спешенной кавалерии.

Эти маневры не грозили мне оказаться отрезанным от перешейков, занятых нашей пехотой. Тем не менее удержание города не входило в мои намерения, а главная задача по выяснению сил, которые германцы сконцентрировали в Маргграбове, была уже выполнена. Вдобавок нам удалось захватить обширную почтовую и телеграфную корреспонденцию, среди которой оказалось значительное количество писем, адресованных в части, которые только намечалось расквартировать вокруг Маргграбовы. Поэтому можно было считать, что наши дела в городке закончены. Выйдя из здания, где наблюдал за сортировкой почты, я очень удивился при виде того, что вся площадь заполнена лошадьми, приведенными сюда пешими конноводами, в чьи обязанности во время боя входил присмотр за конским составом. Когда

огонь прекратился, они привели лошадей в городок, рассчитывая, по всей вероятности, на то, что спешенные эскадроны снова сядут в седло и будут отправлены в погоню за отступающим неприятелем. Но что было совсем уж неуместно на площади, так это присутствие здесь в полном составе, даже с зарядными ящиками, конноартиллерийской батареи. Это можно было объяснить только неопытностью батарейного командира. Приближающаяся германская колонна, получив от своих велосипедистов донесение о русских войсках, переполняющих улицы и площадь, могла в любой момент развернуть артиллерию и открыть по городку огонь. Я не думаю, что забота о населении или присутствие красных крестов на зданиях, в которых находилось в общем до сотни больных и раненых, удержала бы германцев от стрельбы по городу. Они прекрасно понимали, что необстрелянные войска могут прийти в крайнее замешательство, когда на узких улицах начнут рваться снаряды.

Я отправил сильную разведывательную партию для наблюдения за направлением движения германских колонн и для того, чтобы задержать их передовые дозоры. Также я распорядился об оставлении города и о движении войск к ближайшему, северному перешейку, охранявшемуся нашими солдатами. Отход из города начался вскоре после полудня. Отступление прошло без особых инцидентов и в отсутствие давления со стороны неприятеля. Наша надежда на получение ценных сведений из захваченных в почтовой конторе писем вполне оправдалась.

В эти дни в небе впервые появились германские аэропланы. Над нашим лагерем постоянно пролетали аппараты «Таубе». Первое впечатление, которое они произвели на русских солдат, очень немногие из которых вообще когда-либо видели аэроплан, достойно упоминания. Как только в небе над ними появлялась воздушная машина, солдаты бросались к своим винтовкам и, не целясь, палили в ее сторону до тех пор, пока офицерам не удавалось убедить их в полной бесполезности такой стрельбы. Через некоторое время большая часть нижних чинов стала относиться к прилету неприятельских аэропланов спокойно, хотя бывали случаи, когда отдельные солдаты открывали по ним огонь, чего поначалу пресечь никак не удавалось. Иногда этот дурной пример оказывался столь заразителен, что солдаты выпускали по аэроплану, летящему на высоте нескольких тысяч метров, обойму за обоймой. Был случай, когда какой-то ротный писарь опорожнил барабан своего револьвера по машине, заведомо находившейся вне пределов досягаемости даже винтовочного огня. Поскольку невооруженным глазом было невозможно отличить черный крест германских аэропланов от красно-бело-синего круга нашей собственной эмблемы, некоторые русские машины были сбиты винтовочным огнем при заходе на посадку на свои аэродромы. Это послужило причиной издания приказа, предписывавшего нашим аэропланам пролетать над своими позициями на малой высоте, чтобы их можно было опознать. Новый порядок, однако, мало улучшил положение, поскольку непрерывно прибывали подкрепления, состоявшие в основном из солдат старших возрастов, никогда не видавших аэроплана и считавших воздушные машины просто за объект, по которому надо непременно стрелять. Они всерьез считали, что такую хитроумную вещь, как летающая машина, могли построить и применять только германцы. Разумеется, эти новоприбывшие солдаты тоже быстро привыкали к аэропланам.

Германцы не располагали пока удачными аэропланами для сбрасывания бомб, и их полеты над нашими войсками не причиняли непосредственного вреда. Они также не были вооружены пулеметами, и воздушных боев пока совершенно не происходило²⁵.

Единственные бои, происходившие в воздухе, велись, если так можно выразиться, с помощью холодной стали – путем прямого удара по вражескому аэроплану. Естественно, что такое происходило очень редко, и я помню только одного авиатора, подпоручика Нестерова²⁶, который встретил смерть, протаранив таким манером неприятеля. Он уничтожил противника,

---

²⁵ Описаны случаи, когда летчики враждующих сторон в воздухе палили друг в друга из револьверов.

²⁶ Очевидная неточность. Петр Николаевич Нестеров имел чин штабс-капитана.

но и сам пал жертвой своей неразумной отваги. Это был тот самый Нестеров, который стал первым в мире авиатором, выполнившим мертвую петлю. Этот подвиг он совершил на своей неустойчивой машине над Киевским аэродромом. Необходимо добавить, что дальнейшие эксперименты подобного рода были ему запрещены начальством, которое заявило, что его желание непременно сломать себе шею не дает ему права уничтожить казенное имущество, а в первую очередь – аэропланы, в которых в то время и без того ощущалась большая нехватка. Вслед за выполнением им этой мертвой петли это упражнение популяризировалось французским авиатором Пегу и другими пилотами.

* * *

Корреспонденция, захваченная моими частями в почтовой конторе городка Маргграбовы, доставила штабу генерала Ренненкампа некоторые исключительно полезные сведения. Из нее мы узнали подробности о дислокации неприятельских войск в Восточной Пруссии, а также получили немало информации об их предварительных планах, знание которых принесло неоценимую пользу на начальном этапе боевых действий.

Были замечены огромные отличия в методах получения сведений о противнике, применяемых германцами и нами самими. С первых дней кампании нам стало ясно, что противник использует для сбора разведывательной информации все мыслимые способы. На своей территории мы обнаружили людей, которые передавали германцам свежие данные о том, что происходит у нас на фронте и в тылу. Вступив на германскую территорию, мы очень скоро обнаружили, что враг использует для сбора информации местных жителей, в первую очередь – мальчишек школьного возраста, которые во время движения наших частей появлялись на велосипедах у них перед фронтом и на флангах. Первое время мы не обращали на них внимания – до тех пор, пока обстоятельства совершенно ясно не показали нам, ради чего раскатывают вокруг нас эти велосипедисты. Тогда мы были вынуждены отдать приказ открывать по юным самокатчикам огонь. Метод передачи информации о наших перемещениях при помощи поджогов я уже упоминал. Несколько раз мы ловили германских солдат, переодетых крестьянами и даже женщинами. Разоблаченные благодаря надетому на них солдатскому нательному белью, они с готовностью признавали, ради чего переоделись в крестьянскую одежду. Несмотря на это, вполне вероятно, что многие из этих замаскированных солдат так никогда и не были пойманы. Еще большую помощь германцы получали от женщин, с которыми нам приходилось быть более предупредительными, поскольку добыть явные доказательства их причастности к шпионажу было значительно труднее. Очевидно, все приграничные районы Восточной Пруссии были покрыты частой сетью из построек, которые можно назвать сторожевыми башнями. Они представляли собой треугольные деревянные строения, похожие на миниатюрные Эйфелевы башни. Как правило, они располагались на холмах, обеспечивавших прекрасный обзор окружающей местности. Многие башни были построены в лесах, где без них вести наблюдение было бы вообще невозможно. Разумеется, они неплохо служили и нам самим, но для противника были намного полезней. Не имея возможности воспользоваться башнями сами, мы непременно их уничтожали. При полном отсутствии местных жителей много неприятностей доставляло нам уточнение своего положения в незнакомой местности. В таких условиях определить при помощи опроса лиц, знающих окрестности, было невозможно. Наше положение могло оказаться еще более затруднительным, если бы не множество установленных на перекрестках и близ населенных пунктов дорожных указателей, сообщавших, в какой стороне находится тот или иной городок или поселок и сколько до него километров. В конце концов германцы со временем поняли, какую огромную пользу приносят нам эти таблички. Когда мы вторично вступили в пределы Восточной Пруссии, они либо полностью их снимали, либо, что было еще хуже, поворачивали таким образом, чтобы они указывали неверное направление.

Наши карты Восточной Пруссии были точными копиями германских карт, а потому все названия на них давались латинскими буквами. Несмотря на это, можно только поражаться, как сметливо обращались с ними наши разведчики, когда уходили в поиск без офицеров.

В общем, наш первый поход в Восточную Пруссию убедительно показал, с какой тщательностью германцы готовились к войне. Они все продумали, все предусмотрели и затратили на подготовку очень большие средства.

Глава 4 ОККУПАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Вскоре после того, как мы возвратились из рейда на Маргграбову, нами из штаб-квартиры генерала Ренненкампа была получена подробная диспозиция общего наступления, которое командующий армией намеревался предпринять в Восточной Пруссии.

Мне было предписано остаться со своей кавалерийской и с 5-й стрелковой дивизиями на фланге наступления, которое проводилось силами 1-й армии, и осуществлять прикрытие слева. Хотя нам было известно, что 2-я армия под командованием генерала Самсонова концентрировала свои силы где-то в окрестностях Ломжи²⁷, никакой настоящей связи с этой армией пока налажено не было.

Для установления контакта с армией Самсонова я неоднократно высылал разъезды с офицерами, но всегда безуспешно. Генерал Ренненкампа имел в своем распоряжении четыре пехотных корпуса и не менее пяти кавалерийских дивизий, включая две гвардейские, которые прибыли из Петрограда совсем недавно, но уже успели побывать в деле у города Шталлупёнен близ известной пограничной станции Эйдкунен – Вержболово. В этом очень кровопролитном бою гвардейцы потеряли много своих офицеров.

Учитывая широкий масштаб операций, которые он намеревался предпринять, генерал Ренненкампа находился в невыгодном положении из-за незавершенной организации тыла его армии. Пока войска оставались на позициях без движения, эта проблема не особенно бросалась в глаза. Однако стоило только армии продвинуться на вражескую территорию, как стало болезненно ясно, насколько мало было запасено для наступления провианта. Впрочем, подобные неурядицы не могли остановить человека, наделенного таким отчаянным темпераментом, как генерал Ренненкампа. Он жаждал воспользоваться очевидной неподготовленностью германцев, которые, по всей видимости, отнюдь не рвались в бой. Вопреки желанию своего непосредственного начальства генерал Ренненкампа решил начать наступление в расчете на то, что его действия подвигнут Самсонова поступить аналогичным образом. Подобные концентрические удары несомненно могли бы позволить русским войскам без особых потерь захватить сильную оборонительную линию Мазурских озер. Более того, на тот момент не было оснований считать, что озерные перешейки сильно укреплены или удерживаются крупными силами противника.

В первые месяцы войны полевые укрепления практически не использовались; к рытью окопов прибегали только в исключительных случаях, причем и даже тогда устраивали нечто совершенно импровизированное. Повсюду в Восточной Пруссии мы находили большое количество колючей проволоки, но вся она была еще в мотках и лежала сваленная в ожидании начала позиционной войны. Мы встречали множество траншей, но германцы почти ничего не сделали для их укрепления. В то время быстрота наступления наших войск не позволяла им и думать о рытье траншей, которые в будущем опоясали фронты всех европейских армий. Наступление, планировавшееся генералом Ренненкампом, должно было начинаться на фронте шириной не менее ста километров и вестись несколькими колоннами. В полосе наступления находился Роминтенский лес, который Ренненкампа намеревался миновать, обогнув с юга и севера, чтобы избежать лесных боев, поскольку у германских частей в этом районе имелось преимущество, обеспеченное помощью егерей и охотников, которых кайзер Вильгельм содержал в своих охотничьих угодьях.

Надежда Ренненкампа на то, что поначалу мы столкнемся только со слабым сопротивлением неприятеля, оправдалась только отчасти; всем наступающим колоннам, так же как и подчиненной мне 5-й стрелковой дивизии, пришлось вести упорные бои. По окончании наступления я постарался выяснить, что о последних событиях думают различные командиры.

---

²⁷ Ломжа – центр приграничной с Восточной Пруссией Ломжинской губернии. Теперь в Польше.

Общее мнение было таково, что германцы стремились любой ценой сохранить инициативу и тяготели к наступательной тактике. Они проявляли достаточную напористость, а предприимчивость чувствовалась не только в действиях небольших частей, но и маленьких пехотных подразделений, причем даже в тех случаях, когда они лишались всех своих офицеров. С другой стороны, в открытом оборонительном бою они не отличались особым упорством, а при отступлении после схватки их способность к сопротивлению постепенно становилась совершенно ничтожной. В тот период войны у нас не ощущалось сколько-нибудь серьезной нехватки артиллерии, хотя было очевидно, что германцы обладают громадным преимуществом в орудиях всех типов, а в первую очередь – в гаубицах и крупнокалиберных пушках. Такая артиллерия у нас практически отсутствовала. Германцы имели возможность снабжать тяжелыми орудиями того или иного типа даже свои кавалерийские части и расходовали артиллерийские боеприпасы без оглядки на будущее. Со временем это привело к нехватке снарядов; в течение 1914 года мы находили инструкции германского Верховного командования, предписывавшие экономно использовать артиллерийские боеприпасы.

Невзирая на сильное сопротивление противника, наши войска с ежедневными боями продолжали двигаться вперед и вскоре после начала наступления заняли город Инстербург²⁸, куда генерал Ренненкампф перенес армейскую штаб-квартиру.

Здесь армия Ренненкампфа впервые ощутила недостатки в организации своего тыла; снабжение солдат начало осуществляться с огромным трудом. Впрочем, в этом отношении наши проблемы не шли ни в какое сравнение с германскими. Тем не менее противник мог использовать как для обороны страны, так и для вторжения на нашу территорию густую сеть обычных и узкоколейных железных дорог. Более того, он имел возможность применять для перевозок по проселочным дорогам механический транспорт, тогда как у нас в этот период такие средства практически отсутствовали. Когда мои кавалеристы пришли в соприкосновение с германцами, они могли видеть позади неприятельских боевых порядков длинные колонны всевозможных грузовиков, заполненных войсками. Другим огромным преимуществом наших врагов была телефонная и телеграфная сеть; при отступлении в Восточной Пруссии германцы ее уничтожали, так что использовать ее мы могли только после тщательного ремонта. Еще меньшим преимуществом были для нас дороги с твердым покрытием, поскольку мы не имели ни легкого, ни тяжелого моторного транспорта. Когда начальнику военных сообщений моей дивизии удалось раздобыть три тяжелых моторных фургона, в штабах ближайших пехотных частей мне очень завидовали. Без этих машин мне нипочем не удалось бы во все время, пока на меня была возложена задача флангового прикрытия 1-й армии, ежедневно преодолевать с дивизией по пятьдесят километров. К счастью, в окрестностях не было недостатка в съестных припасах и фураже; на походе мы обнаруживали поразительное изобилие сельскохозяйственных продуктов. Были районы, через которые германские или наши собственные войска проходили по пять или шесть раз, в каждом случае забирая все необходимое для своего снабжения. Несмотря на это, поздней осенью 1914 года, во время нашей второй кампании в Восточной Пруссии, мы обнаружили сохранившиеся в этих местах громадные запасы продовольствия для людей и фуража для лошадей. И это – несмотря на то, что все армии, побывавшие там, использовали провиант, нисколько не заботясь о будущем. На меня произвели сильнейшее впечатление чрезвычайно высокие стандарты научного ведения сельского хозяйства, которые в Восточной Пруссии соблюдались повсеместно. Дело было не только в исключительном прилежании крестьян при обработке своих ферм, но и в том, что правительство, без сомнения, оказывало им всяческую поддержку.

Очевидно, только радикальными правительственными мерами можно было объяснить тот факт, что во всех районах Восточной Пруссии, через которые мы проходили, весь круп-

---

²⁸ Инстербург – после 1946 г. Черняховск Калининградской области.

ный рогатый скот был голландской породы – черные с белым животные, которых германцы, по всей вероятности, считали наиболее подходящими для этой страны. Кроме того, очень сильное впечатление на всех нас произвело богатство крестьянских хозяйств и странное единообразие их построек. Все подворья состояли из нескольких каменных строений, в одном из которых жили хозяева, а другие использовались для сельскохозяйственных нужд; все вместе было обнесено высокими каменными стенами. Эти дворы напоминали маленькие крепости и очень часто играли чрезвычайно важную роль во время наших боев с германцами. К несчастью, наибольшую пользу они приносили именно им. Наша полевая артиллерия оказывалась в значительной степени бессильна против толстых стен, тогда как в моменты, когда мы сами занимали эти временные укрепленные пункты, крупнокалиберные гаубичные снаряды противника, которые наши солдаты окрестили «чемоданами», сокрушали все вокруг нас, причем много людей выбывало из строя из-за ранений, причиненных осколками камня.

Я уже упоминал, что во время нашего наступления по территории Восточной Пруссии практически все германское население бежало во внутренние районы страны. Сельские жители увозили с собой большую часть имущества на деревенских телегах, бросая в своих усадьбах только скот и домашнюю птицу. Городское население, которое, разумеется, могло воспользоваться железнодорожным сообщением, тысячами бежало в глубь страны. В начале нашей первой кампании в Восточной Пруссии мы были свидетелями бегства сельского населения, в то же время обитатели пограничных городков все оставались на месте. Это доказывает, что наше наступление оказалось для германцев полной неожиданностью. Но ближе к концу нашего первого вторжения и в особенности во время второго Восточная Пруссия совершенно обезлюдела. Народ бежал из городов. Все здоровое население уехало на запад, и мы свободно бродили по их опустевшим селениям. В городах остались только немногие наиболее храбрые из жителей; возможно, они не вполне доверяли распространявшимся по всей Германии подобно лесному пожару пугающим рассказам о бесчинствах, творимых нашими войсками.

Характерный случай произошел в городке Ангербург, которого мы достигли, пройдя ускоренным маршем пятьдесят два километра в те дни, когда у нас еще не было грузовых автомобилей, на которых можно было подвезти для солдат провизию. До Ангербурга мы добрались уже под вечер, причем германцы оставили его всего за несколько часов до нашего появления. Офицеры доложили мне, что у них нет для своих людей хлеба, а запас сахара, чая и соли почти совсем истощился. Я приказал узнать, как обстоят дела в местных хлебопекарнях, но выяснилось, что все они заперты и покинуты владельцами. В городе не оказалось и представителей муниципальных властей. По улицам поодиночке прогуливались горожане, с любопытством поглядывая на отдыхавших русских солдат. Я велел бить набат на колокольне кирхи и дать знать гражданам городка, что они должны собраться на рыночной площади. Мало-помалу там собралась небольшая толпа людей общим числом около трехсот человек, состоявшая в основном из стариков и старух. Обратясь к ним, я попросил указать мне кого-нибудь, кто мог бы взять на себя обязанности мэра и выступить посредником между мной и горожанами. После шумного обсуждения было названо имя; из толпы вышел, а скорее был вытолкнут какой-то мужчина. Позднее я узнал, что он был владельцем продовольственного магазина. Затем я в присутствии толпы сообщил ему, в чем состоят мои требования. А именно: жители должны немедленно начать работу во всех городских пекарнях, определив в каждую из них необходимое число женщин для выпечки хлеба. Мне уже успели доложить, что в закрытых пекарнях имеется сколько угодно муки. На следующее утро в мою кавалерийскую дивизию, в которой насчитывалось тогда примерно 4 тысячи человек личного состава, должен быть доставлен двухдневный запас хлеба, а также достаточное количество сахара, чая, соли и табака. Пока я объяснял все это новоизбранному бургомистру, стало ясно, что он вовсе не склонен оказать нам содействие и выдвигает всевозможные причины, которые якобы не позволяют снабдить нас всем требуемым.

Следующей нашей заботой были автомобили. Вспомнив произошедший в Маргграбове инцидент, когда германская машина под красным крестом, прикрываясь желанием подобрать раненых, неожиданно, когда дорога случайно освободилась, умчалась на запад, в Ангербурге я решил не рисковать, когда из штаба мне сообщили, что видели в городе автомобиль, который можно использовать. Тогда я еще раз обратился к толпе и объявил, что, поскольку моторные средства передвижения используются для военных надобностей, я требую от присутствующих граждан незамедлительно сообщить, где находятся все наличные в городе автомобили, так как они, без сомнения, отлично знают, где их содержат. Кроме того, я добавил, что сказанное мной – вовсе не шутка и, если требуемая информация не будет представлена, я прикажу расстреливать всех живущих в тех домах, где будут обнаружены автомобили, или же, за отсутствием обитателей, расстреливать жителей соседних домов. Этот приказ я отдал в манере, указывающей на невозможность им пренебречь, имея при этом в виду, что в случае, если горожане поверят в серьезность угрозы, мне никогда не придется приводить ее в исполнение. Впечатление, произведенное моими словами, превзошло все ожидания. Сначала из толпы раздались голоса людей, предлагавших проводить нас к местам стоянки автомобилей. Предложенные ими сведения на поверку оказались совершенно точными, хотя, к большому сожалению, все указанные нам машины оказались неисправны и из годного к употреблению нам удалось обнаружить только некоторое количество запасных частей. Однако заявленная мной угроза расстрелов неожиданно привела нового бургомистра к выводу, что все мои требования удовлетворить вполне возможно. Добровольцы отправились печь хлеб, и к следующему утру все мои приказы о реквизициях были выполнены с буквальной точностью. Полученных таким образом припасов дивизии хватило на несколько дней.

Хотя отступление из Восточной Пруссии доставило нам множество неприятностей, можно сказать, что для Германии последствия нашей операции оказались неизмеримо более серьезными. В города, расположенные в глубине страны, тысячами устремились беженцы, распространявшие по пути баснословные рассказы о жестокостях, якобы творимых нашими войсками. Особенно много диких слухов ходило о действиях наших казаков и об их предполагаемых зверствах в отношении мирного населения. Могу с уверенностью заявить, что эти рассказы в пересказе только уснащались новыми жуткими подробностями и вызвали в германских городах настоящую панику. Эти истории, имевшие тогда хождение по всей Германии, не могли не повлиять (разумеется, мне трудно судить о степени этого влияния) на германские военные власти, которые со всех сторон подвергались тогда давлению с целью заставить их предпринять попытку пресечь наше наступление в Восточной Пруссии. Добиться этого в тот момент они могли единственно путем крупной передислокации войск со своего Западного фронта, а на такой шаг германское командование могло согласиться только с огромной неохотой. Тем не менее, когда армия генерала Самсонова приступила к активным боевым действиям, германское Верховное командование осознало, что оборонительная линия вдоль Мазурских озер, а вслед за ней и вся Восточная Пруссия с большой вероятностью могут попасть в наши руки. Такое событие наверняка должно было рассматриваться германским народом как имеющее величайшую важность и могло, что вполне вероятно, иметь огромное влияние на окончательный исход всей кампании. Не следует забывать, что, по общему в то время убеждению, война должна была продлиться всего несколько месяцев. Нет сомнения, что при других обстоятельствах германское командование предпочло бы в первую очередь добиться решительного успеха на французском фронте – пусть даже ценой временного поражения в Восточной Пруссии. Как бы то ни было, но в конце концов германцы решили усилить свой Восточный фронт за счет Западного. Их выбор, как потом выяснилось, оказал огромное влияние на весь будущий ход войны. Это лишний раз показывает, насколько опасно в любом деле, а в особенности – при проведении боевых операций отказываться от раз принятого решения даже при условии, что изменение плана сулит временный успех.

Глава 5 ДЕЙСТВИЯ КАВАЛЕРИИ И НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Пока генерал Ренненкампф, движимый, без сомнения, своей природной отвагой, не дожидаясь упорядочения тыловых линий снабжения своей армии, энергично наступал в западном направлении, угрожая германской крепости Кенигсберг, армия генерала Самсонова заканчивала формирование и развертывалась вблизи от северной границы Царства Польского фронтом, обращенным на север. Промежуток между двумя этими армейскими группами должна была позднее заполнить 10-я армия, которая в тот момент только начинала формироваться. А тем временем стокилометровый участок, разделявший 1-ю и 2-ю армии, был занят численно слабыми и сильно растянутыми кавалерийскими частями.

Прежде чем перейти к описанию боевых действий, интересно коротко остановиться на той роли, которую в первые дни кампании играла наша кавалерия. В течение этого периода конные части должны были участвовать во всех видах боевой активности, какие только предусмотрены для нее в учебниках по стратегии и тактике. Наиболее ответственной и к тому же самой изматывающей из обязанностей, доставшихся на долю конницы, стала непрерывно проводившаяся ею разведка. Ежедневно наша кавалерия должна была забрасывать целую сеть из разъездов и застав, имевших численность от десяти всадников до целого эскадрона. Не меньшую важность имела работа по фланговому прикрытию армии. На этом этапе наши армии, за редкими исключениями, группировались по отдельности, так что их фланги находились под постоянной угрозой обходного маневра неприятельской пехоты и кавалерии, и только своевременное вмешательство наших конных частей могло уберечь от таких непредвиденных осложнений. К тому же при посредстве кавалерии поддерживалась связь между различными армиями и осуществлялось постоянное наблюдение за разделяющей их территорией. Вне зависимости от выполнения этих задач конница должна была отражать многочисленные внезапные удары, которые германцы обожали наносить по нашим тылам, причем иногда – достаточно крупными силами. Передвигаясь по оккупированной нами территории, мы, естественно, разрушали все железнодорожные линии и постройки. Выяснилось, что важнейшие станционные здания и мосты усиленно охраняются германцами и для нападения на них необходимы значительно большие силы, чем те, которые мы могли выделить для этой цели. Напротив, германцы с их великолепно налаженной системой железных дорог имели возможность для предотвращения стратегических неожиданностей всегда вовремя подвозить целые эшелоны подкреплений.

Людям, незнакомым досконально с условиями проведения военных операций и особенностями современной войны, может показаться непостижимым тот факт, что в XX веке вновь нашла себе применение так называемая линейная стратегия – метод, давно раскритикованный всеми великими военными теоретиками и полководцами. Ответ тут только один – это произошло из-за влияния, оказанного развитием железнодорожного транспорта на характер проведения стратегических операций. До появления и широкого распространения железных дорог армии были прочно привязаны к своим линиям снабжения. Переориентация или создание новых линий сообщения в те времена представляли собой процесс сколь сложный, столь и медленный. К тому же он должен был в определенной степени опережать концентрацию войск на любом конкретном направлении. Поэтому подготовку к проведению крупных операций было невозможно скрыть ни от тайных, ни от явных агентов противника. В наше время положение кардинально изменилось. Предположим, одна из сторон военного конфликта свела свои вооруженные силы в несколько крупных группировок и оставила разделяющие их местности без наблюдения или прикрытия кавалерией либо территориальными войсками. Допустим еще, что промежутки между упомянутыми группировками могут простираться на сто верст

и более. Естественно, предприимчивый противник может воспользоваться этими неохранными пространствами не только для проникновения в линии обороны своего врага, но и для организации выгодной операционной базы для нанесения флангового удара по одной из неприятельских армейских группировок. Быстрая концентрация, скажем, целого армейского корпуса может быть выполнена по железным дорогам, ведущим к этим никем не занятым районам. Если принять во внимание, что участки европейских границ протяженностью в сто километров и более обслуживаются чаще всего не одной, а несколькими железнодорожными линиями, то станет совершенно ясно, с какой быстротой может предприимчивый противник сконцентрировать против такого пункта целую армию.

В том же случае, если в начале кампании ни одна из воюющих сторон не сможет одновременно вывести на театр боевых действий все свои силы, то задача защиты или прикрытия незащищенных промежутков между войсками выпадет на долю кавалерии, как самого подвижного из родов оружия. В ее обязанности будет входить предупреждение концентрации сил неприятеля впрямь до того момента, когда собственная пехота вполне подготовится к проведению массированного наступления.

По этой причине кавалерия имела важнейшее значение именно для русской армии, поскольку разворачиваться ей приходилось на фронте длиной почти 1300 километров. Можно только сожалеть, что в начале кампании не представилось возможности придвинуть к нашим границам значительные силы русских конников, состоявшие из казаков второй и третьей очереди призыва, так как относительно слабая система железных дорог была перегружена переброской в западные приграничные районы кадровых войск и военных грузов, а одновременно и перевозками мобилизованных резервистов и новых арьергардных формирований. Поэтому можно предположить, что будущие войны в свой начальный период станут развиваться по принципам и законам маневренной тактики, но затем, после того как все боевые силы будут доставлены на театр боевых действий, воюющие стороны перейдут к использованию позиционной, траншейной тактики. К линейной тактике будут прибегать только там, где фланги противников обеспечиваются морским побережьем или территориями нейтральных государств.

* * *

В период маневренной войны в Восточной Пруссии русская кавалерия действовала безупречно; ее разведывательная и дозорная служба на флангах наших армий держала германцев в состоянии постоянного беспокойства, отравляя тем самым их существование.

Когда моя дивизия захватила железные дороги, окружавшие Коршен, я послал хорунжего²⁹ Болдерова из 1-го Донского казачьего полка с дозором для разведки одного из менее населенных округов, в котором, как я подозревал, могли находиться вражеские войска.

Выяснилось, что мои подозрения были вполне основательны. В один из дней хорунжий Болдеров обнаружил германскую колонну, двигавшуюся в направлении, которое непосредственно угрожало моему тылу и могло обернуться самой серьезной опасностью для пехоты на флангах 1-й армии.

Укрыв свой отряд в лесу, Болдеров с несколькими спешившимися казаками пробрался через заболоченный лес, окружавший щебеночное шоссе, на котором было замечено движение германских войск. Там он, притаившись в придорожных кустах и боясь вздохнуть, просидел много часов, тщательно ведя подсчет пехоты, артиллерии и тяжелого автотранспорта, долго тянувшихся мимо него. Результаты подсчетов хорунжий передавал своим людям, залегшим неподалеку, а те, в свою очередь, переправляли информацию в наше расположение. Когда стемнело и германская колонна прошла, Болдеров вернулся к своим казакам и галопом прискакал

---

²⁹ Хорунжий – казачий эквивалент корнета (кавалерия) или подпоручика (пехота).

в мою штаб-квартиру с докладом. За отвагу хорунжий был награжден крестом Св. Георгия; он стал первым из офицеров дивизии, удостоившихся такого отличия, не считая погибших или умерших от ран.

Другой подвиг, пожалуй еще более замечательный, был совершен в сентябре 1914 года поблизости от Августовского канала. Его результатом стал провал германской операции, имевшей целью прорыв нашего фронта на Немане в окрестностях городка Друскеники³⁰.

Я отправил корнета Иванова с командой сумских гусар для разведки германских сил, которым для атаки левого берега Немана предварительно требовалось пересечь поросший густым лесом район. Двигаясь через лес, люди Иванова обнаружили германскую колонну и доложили о ней своему командиру, который, прежде чем укрыться в густом подлеске, отправил в штаб дивизии двоих гусар с докладом об этом открытии, после чего на долгие часы затаился, наблюдая за германцами, прислушиваясь к их разговорам и аккуратно ведя подсчет их сил. Тем временем его связные по пути в штаб наткнулись на другую германскую колонну, двигавшуюся по дороге между уже обнаруженными войсками и Августовским каналом. Присутствие здесь германцев не позволяло гусарам двигаться дальше, поэтому один из них остался на месте, наблюдая за движением неприятельских сил, а второй возвратился назад, чтобы доложить о сложившемся положении корнету Иванову. Иванов отрядил для наблюдения за второй колонной сметливого унтер-офицера, наказав ему, когда представится возможность, скакать напрямик в штаб.

Вечером я получил оба донесения, а поскольку они указывали на то, что 1-й армии угрожает более серьезная опасность, чем 3-й, то отправил подробный доклад генералу Ренненкампу, а также связался со штабами обеих армий по беспроволочной связи. Особую важность имело сообщение Иванова о том, что несколько неприятельских взводов несли знамена. Это указывало на то, что основные силы германского полка находятся впереди. Кроме того, Иванов сообщил подробности о тяжелой и легкой артиллерии германцев. У меня не было случая выяснить, в какой степени эти важные сведения были использованы; во всяком случае, меры, принятые генералом Ренненкампом, сорвали попытку германцев переправиться через Неман; через два дня им пришлось в большой спешке отступить.

Заслуживает упоминания пример удачного захвата важной узловой станции железной дороги, сопровождавшийся относительно незначительными боями, – взятие Коршена – пункта, описанного в военно-географических справочниках как один из жизненно важных железнодорожных узлов Восточной Пруссии. Надо полагать, появление в окрестностях русской кавалерии оказалось для германцев полной неожиданностью, поскольку станцию занимал только слабый отряд ландштурма³¹.

Захват нами этой узловой станции не входил в расчеты неприятеля, так как вскоре им были подвезены сильные пехотные и кавалерийские подкрепления в сопровождении велосипедных рот и тяжелого автотранспорта. Впоследствии Коршен неоднократно переходил из рук в руки, хотя германцам больше не удавалось использовать сходящиеся там железные дороги. Мы уничтожили все станционные постройки и железнодорожное полотно в окрестностях, а когда в первых числах сентября генерал Ренненкампф был вынужден начать возвратное движение к нашей границе, мои отступающие конные заставы подожгли крупные запасы угля, собранные на станции; германцам не удалось потушить огонь ввиду разрушения пожарных гидрантов. Захват Коршена обошелся петроградским уланам потерей нескольких офицеров, включая штабс-ротмистра Македонского, который участвовал в японской войне и замечательно проявил себя при взятии Маргграбовы.

---

³⁰ Теперь – город Друскининкай в Литве.

³¹ Ландштурм – германский и австрийский аналог российского ополчения, призывавшийся в военное время в чрезвычайных обстоятельствах.

Работа по обеспечению флангов армии, включавшая не только ведение разведки, но и участие в боях, была очень характерна для первых дней отступления генерала Ренненкампа из Восточной Пруссии. Вскоре после возвращения моих кавалеристов из рейда на Алленштейн³², о котором я позднее расскажу более подробно, был получен приказ о выводе дивизии из состава 1-й армии и включении ее во вновь создаваемую 10-ю армию.

Эта последняя должна была занять территорию между армией Ренненкампа и армией, которой прежде командовал погибший тогда уже генерал Самсонов, частично сменив ее, потерявшую в злосчастном сражении у Танненбергского леса почти половину своего личного состава.

Выполняя приказы Ренненкампа и получив директиву от генерала Раткевича, который временно командовал 10-й армией и распоряжения которого позднее подтвердил генерал Флуг³³, я двинулся в арьергарде нашей пехоты в направлении на Маргтрабову, которая оставалась вне районов наступления Ренненкампа и Самсонова.

От этого пункта я намеревался переместиться на левый фланг 10-й армии, которая не имела тогда достаточно кавалерии для ведения разведки своего левого крыла. Пунктом сосредоточения мне было назначено местечко Граево; чтобы туда добраться, мне предстояло выполнить ряд форсированных маршей. Прибыв на левый фланг 2-го корпуса 1-й армии, я узнал от командующего корпусом, что германцы перешли в наступление, а для того, чтобы остановить их, войск нет. Генерал Ренненкампф обещал выделить для этого пехотную дивизию, но она сможет прибыть не ранее чем через два дня, а по прибытии будет развернута слева и позади от пункта, поименованного на картах *Rothe Bude*³⁴.

Наступила ночь, и из последней поступившей к нам информации мы узнали, что германцы крупными силами заняли маленький германский городок Видминнен, лежащий к востоку от крепости Лётцен, которая уже сыграла важную роль при обороне прохода к оборонительной линии Мазурских озер. Из этого-то дефиле и выступила теперь германская колонна с очевидным намерением охватить левый фланг Ренненкампа. Таким образом, я оказался между двух огней: мне следовало либо точно выполнять приказы, полученные от командующих обеих армий, либо, по собственной инициативе и вопреки приказу, выдвинуться на фланги 2-го корпуса и там сдерживать первый натиск германской колонны до тех пор, пока не подоспеет обещанная помощь. Когда прибудет пехота, мне следовало немедленно уступить ей место, так как по боевой силе мои кавалеристы не шли ни в какое сравнение с пехотной дивизией.

Разумеется, я нимало не колебался, решая, как мне следует поступить. Чтобы перехватить узкие перешейки между озерами к востоку от Видминнена, до сих пор занятые только слабыми германскими заставами, мной были отправлены сильные конные отряды. Одновременно я выехал в окрестности озера Кругланкен, чтобы лично выбрать неподалеку от перешейков позицию, которую было бы относительно просто защитить небольшими отрядами. В мою дивизию входили тогда четыре полка, так как ко мне из 4-го корпуса уже вернулись московские уланы.

Я известил командующих обеих армий о своем решении на время отсрочить выполнение приказов о движении на Граево. На следующее утро, пока бой за обладание вышеупомянутыми перешейками еще не закончился, я получил от командующего 10-й армией повторное приказание возможно быстрее прибыть к нему, чтобы дать ему возможность завершить формирование армии. Я никак не мог взять в толк, является ли этот приказ ответом на мое сообщение о задержке подхода дивизии больше чем на двадцать четыре часа ввиду необходимости

---

³² Алленштейн – польский город Ольштын.

³³ Флуг Василий Егорович (1860–1955) – генерал от инфантерии (1914). С 22.08.1914 в течение месяца командовал 10-й армией.

³⁴ Красная будка (нем.).

прикрыть фланг 1-й армии, или же моя депеша и приказ командующего разминутись в дороге. В любом случае идти на попятный было уже поздно; если бы я и захотел это сделать, то все равно не успевал отвести свои войска назад до наступления темноты, а после возвращения было совершенно необходимо дать им на отдых хотя бы одну ночь. Этой ночью должны были прибыть обещанные подкрепления, и все было за то, что их удастся расположить таким образом, чтобы прикрыть левый фланг 2-го корпуса. Уверенность в том, что германцы намереваются охватить его левый фланг, разделял со мной и командир корпуса. Позднее оказалось, что мы были совершенно правы.

На следующий день рано утром германцы подвергли занимающих перешейки спешенных драгун артиллерийскому обстрелу. Две мои конноартиллерийские батареи, только что ставшие на позиции, немедленно открыли ответный огонь и тем отвлекли на себя большую часть неприятельской тяжелой артиллерии. Германцы впали в ошибку, полагая, что наши батареи находятся на склоне небольшого заросшего кустарником холма, и буквально перепахали и сам злополучный холмик, и все вокруг него на изрядное расстояние, так что зеленое поле почернело.

Вскоре после полудня пред моими драгунами появилась германская пехота и длинными цепями пошла в атаку. По-видимому, поставленная задача германцам не слишком нравилась, и они под выстрелами нашей артиллерии и винтовочным огнем спешенных драгун продвигались вперед очень вяло. Объяснить нерешительность германцев достаточно сложно, поскольку наши части по численности не превышали двух с половиной пехотных батальонов. Вероятно, они думали, что мы занимаем перешейки большими силами. До вечера я не видел необходимости в усилении своей передовой линии. Следовало крайне экономно расходовать резервы, поскольку я получил донесение о том, что во время неприятельской фронтальной атаки была замечена двигавшаяся в южном направлении германская кавалерия, которая, как видно, намеревалась либо обойти меня с фланга, либо нанести удар в тыл. К счастью, эта конница не могла двигаться быстрее пехотной колонны, так как германцы придали ей батальон пеших егерей, который сильно замедлял движение. В некоторых случаях германцы пытались компенсировать этот недостаток подвижности, используя велосипедные роты или сажая пехоту на тяжелые автофургоны. Естественно, медлительность противника очень мне помогала, поскольку иначе с моими ослабленными силами было бы невозможно вести бой с наступающей по фронту германской пехотой и одновременно в тылу отражать кавалерийские атаки. В тылу скудость моих сил быстро стала бы очевидна для неприятеля, и результат мог оказаться катастрофическим. Так или иначе, германская пехота атаковала очень вяло – потому, вероятно, что ожидала помощи от своей кавалерии, заходящей мне в тыл. Мне удалось на некоторое время задержать ее продвижение, отправив для этого на озерный перешеек один эскадрон. В этом бою, когда наши драгуны уже вновь садились на коней и готовились к отходу, погиб один из их офицеров – молодой князь Урусов. С самого начала войны он старался попасть в действующую армию, но по какой-то неясной причине его перевод задерживали. Поэтому в его смерти в первом же бою – а он появился в своем полку только вечером предыдущего дня – легко усмотреть злую насмешку судьбы. Я часто замечал, и не только на этой войне, что люди, которым удалось преодолеть на первый взгляд совершенно невозможные препятствия для того, чтобы поступить на военную службу, часто героически гибнут в своем первом бою, но прежде совершают подвиги, далеко выходящие за пределы обыкновенной человеческой храбрости.

С приближением сумерек бои мало-помалу затихли. В те дни германцы не вели ночных операций, так что иногда нам удавалось выкроить время на столь необходимый отдых. Ночную тишину иногда нарушал звук, производимый германским бронированным автомобилем, который подкатывал к баррикадам, которыми мы перегородили щебеночные шоссе, чтобы выпустить из своей маленькой пушечки несколько снарядов и снова убраться в темноту. Вероятно, они старались нащупать наши бивуаки, но нанести нам действительный урон им удавалось

редко. На ночь я разместил свои части в близлежащем селении, выставив сильные караулы для предотвращения неожиданного нападения на озерные перешейки. В тот момент я еще не мог определенно сказать, что буду делать на следующий день. Ночью выяснилось, что 2-й корпус получил приказ начать отступление к русской границе, от которой он находился на расстоянии примерно тридцати шести часов пути. Приняв во внимание, что намеченная цель мной достигнута – левый фланг армии обеспечен, а германская кавалерия поставлена перед необходимостью предпринять далекий объезд, – я пришел к выводу, что настало время приступить к выполнению первоначально полученных мной приказов о соединении с 10-й армией. Этот план в сложившемся положении показался мне наиболее разумным, так как никаких указаний об отмене предыдущих распоряжений нами получено не было, а также потому, что, по имевшимся у меня сведениям, левый фланг отступающей армии находился теперь в полной безопасности после того, как задача его обеспечения была поручена 2-й дивизии гвардейской кавалерии.

Сообщив о своем намерении генералам Ренненкампу и Флугу, который теперь вступил в командование 10-й армией, я решил двигаться в направлении на Граево. Мне хотелось еще раз посетить Маргграбову, где мы сражались в первые дни войны, но для этого не было времени, хотя мой тяжелый транспорт и проехал через этот городок. Офицер, командовавший автомобильной колонной, позднее рассказал мне, что там царило полное спокойствие. Все магазины были открыты, и он сам во время часового отдыха напился в одном из местных кафе превосходного кофе с разными германскими *kuchen*.

Никто из граждан не ожидал, что германские войска еще раз до окончания войны вернутся в город, и вполне смирились с русским правлением. Еще менее они могли предполагать, что Маргграбова станет местом одного из самых тяжелых боев той кампании.

Было очевидно, что жители не подозревали, как близко от них находятся германские части, которые потом остановились в городке только для того, чтобы превратить его в поле боя, вызвавшего большие разрушения и прервавшего мирное течение жизни; многие местные магазины подверглись тогда разграблению русской и германской солдатней.

В первые дни ноября 1914 года, сдавая командование Сводным кавалерийским корпусом, я застал Маргграбову в полуразрушенном состоянии, переполненную нашими тыловыми учреждениями и военным транспортом. Я ехал тогда принимать под свое начало 6-й армейский корпус и *en route* завернул в располагавшийся на окраине городка штаб 10-й армии, которой командовал генерал Сиверс³⁵.

---

³⁵ Сиверс Фаддей Васильевич (1853–1915) – генерал от инфантерии (1912). Уволенный в отставку в связи с поражением своей армии, застрелился.

Глава 6 РЕЙД ЧЕРЕЗ ГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕДОВЫЕ ЛИНИИ

Без сомнения, наиболее характерным примером действия войск, которыми мне довелось командовать в первые месяцы войны, является прорыв через германские боевые порядки на участке Ангербург – Линденхоф к городу Алленштейн. Эта операция проводилась на основании приказа, полученного генералом Ренненкампом от главнокомандующего Жилинского. Директивы, присланные мне генералом Ренненкампом, сводились к следующему. Кавалерийским дивизиям предписывалось, проникнув в расположение противника на участке фронта, занимаемого армией Ренненкампа, по сходящимся маршрутам стараться продвинуться к городу Алленштейн для получения ясных и достоверных сведений о местонахождении и состоянии армии Самсонова, от которой уже в течение двух суток штаб генерала Жилинского не имел никаких известий.

Копия этого приказа была доставлена мне штабс-капитаном Малевановым, приехавшим на автомобиле в три часа пополудни (29 августа), когда я с чинами своего штаба только что уселся обедать, предварительно приказав войскам отдыхать до конца дня.

Внимательно изучив полученные указания, я передал их своему начальнику штаба, который с удивлением поинтересовался, что я намерен предпринять и каким образом предполагаю выполнить такой приказ. Днем раньше мои части имели довольно продолжительное столкновение с германской кавалерией, пользовавшейся поддержкой пехоты; на следующий день разведка установила, что вся населенная местность в направлении позиций противника занята германскими войсками. Это означало, что для того, чтобы добраться до Алленштейна, необходимо будет проложить себе путь через территорию, находящуюся в руках неприятеля.

Отвечая начальнику штаба, я уверенно сказал, что наша дивизия в составе трех кавалерийских полков и одной конноартиллерийской батареи должна сняться с лагеря в полночь. Маршрут следования ей сообщат, когда дивизия соберется и будет готова к выступлению.

Пока начальник штаба занимался необходимой подготовкой, я воспользовался случаем и расспросил прибывшего из штаба армии штабс-капитана Малеванова. Меня интересовало, не сможет ли он разъяснить, в чем заключается главная мысль этого достаточно странного приказа и что стало причиной его издания. Удовлетворительного ответа мне получить не удалось. Штабс-капитан мог только сообщить, что вот уже несколько суток штаб Ренненкампа не получал из армии Самсонова никаких вестей. В соответствии с последней имеющейся в штабе информацией, Самсонов двинулся вперед с намерением обогнуть фронт Мазурских озер. Первые сообщения о начале этого маневра свидетельствовали скорее об успешном развитии операции, однако вслед за получением этих сведений всякая связь со штабом генерала Самсонова прервалась. Как видно, главнокомандующий фронтом захотел употребить имевшуюся у Ренненкампа многочисленную кавалерию для восстановления контакта с Самсоновым и для налаживания связи предпочел не пользоваться маршрутом, по которому уже прошла 2-я армия, но направить нас по занятой врагом территории.

После внимательного изучения карт стало совершенно ясно, что для проникновения в район Алленштейна, где предположительно находилась армия Самсонова, необходимо, при использовании кратчайшего маршрута, преодолеть не менее пятидесяти километров вражеской территории и пересечь en route несколько железнодорожных линий. Поскольку германцы всегда достаточно тщательно охраняли свои железные дороги, это означало, что мы не можем рассчитывать на незаметное для противника перемещение кавалерийской колонны численностью в несколько тысяч сабель. Единственная надежда на успех этого рискованного предприятия заключалась во внезапности проникновения в глубь вражеских позиций, использовании

темноты (на наше счастье, ночи тогда были безлунные) и в скорости передвижения. Немедленно для выяснения вопроса о том, какой маршрут сулит нам большие шансы остаться незамеченными под покровом темноты, были отправлены небольшие разъезды. Около полуночи дивизия, имея в авангарде полк петроградских улан, двинулась вперед через германские передовые линии и пересекла их, не вызвав, к счастью, ни единого выстрела со стороны неприятеля. Успех объяснялся главным образом тем, что кавалеристы воспользовались незаметной лесной дорогой, которую неприятель по каким-то причинам оставил без охраны.

К рассвету дивизия уже миновала район расположения германских войск и около шести часов утра имела первое столкновение с неприятельской пехотой, несшей охрану железной дороги.

Я уже упоминал, что в авангарде у нас двигались петроградские уланы. В то время мне еще ничего не было известно о существовавшем в дивизии суеверии, которое состояло в том, что всякий раз, когда в передовое охранение назначают улан, непременно случаются тяжелые бои с противником. Предрассудок подкреплялся тем фактом, что уланы по сравнению с другими полками несли самые тяжелые потери, в первую очередь – среди офицерского состава, причем более всего – в авангардных боях. Как будет видно из дальнейшего, в тот день упомянутое суеверие только окрепло. На протяжении всей войны этот уланский полк всегда проявлял себя наилучшим образом, а его доблесть была известна всей армии.

Каждый раз, когда дивизия шла в наступление, полки неизменно назначались в авангард по очереди. Я чрезвычайно благодарен фортуне за то, что в тот раз эта обязанность выпала петроградским уланам, поскольку я с полной уверенностью мог поручать им выполнение самых трудных и ответственных операций.

Для скорейшего пересечения железнодорожной линии было необходимо сковать германскую охрану дороги силами примерно полудюжины эскадронов. У меня не было уверенности, что наше движение через неприятельские позиции осталось незамеченным и противник не предпримет у меня в тылу каких-либо угрожающих маневров – в особенности после того, как винтовочный огонь близ железной дороги даст ему знать о происходящем. Дивизии потребовалось около часа, чтобы пересечь пути, после чего она ускоренным ходом двинулась прямо к Алленштейну. У меня не имелось ни малейшего представления о неприятельских силах в этом районе, находившемся на большом удалении от нашей операционной базы. Переход второй железнодорожной ветки вызвал примерно такое же сопротивление, что и в первом случае. Около полудня к нам подъехал разъезд с офицером, высланный вперед для связи с нами кавалерийской дивизией, двигавшейся к Алленштейну с севера. Командир разъезда сообщил мне, что, по всем расчетам, их дивизия вскоре сможет выйти к цели. Это известие укрепило наши надежды. Мы начали наступать в направлении последней отделявшей нас от Алленштейна железнодорожной линии, проходившей неподалеку от самого города, в котором находилась узловая станция. *En route* мои люди обнаружили полностью исправный пулемет – как выяснилось, русского производства, что ясно указывало на то, что наши войска вели в этом районе бои.

Приблизившись к железной дороге, мы, чтобы воспрепятствовать подвозу германских подкреплений, выслали партии под командой офицеров для подрыва полотна дороги. Эта своевременная мера оказалась для нас неоценимо полезной несмотря на то, что взрывы всполошили неприятеля; в любом случае кавалерийская колонна, занимавшая по фронту около двух верст, не могла не привлечь его внимания.

Причина, по которой нам удалось пересечь этот район незамеченными, состояла в том, что германцы ранее эвакуировали отсюда все население. Вскоре после полудня наш авангард обменялся выстрелами с противником, и стрельба стала постепенно усиливаться. Двигаясь в голове своей колонны, я мог видеть атаку спешенных улан и отступающие перед ними довольно редкие, вернее всего – пехотные германские цепи. На таком расстоянии дома и казармы Аллен-

штейна были уже видны невооруженным глазом. Подвезли нашу батарею, и она немедленно открыла огонь по германским резервам и по их отступающим цепям. Мне доложили, что обнаружено несколько убитых германских солдат и по их снаряжению установлено, что мы столкнулись именно с пехотой. Открыла огонь германская батарея, по всей видимости – гаубичная; вскоре к ней присоединилась еще одна, и обе стали уделять особое внимание нашим конным артиллеристам. Фронт боя постепенно расширялся, и я счел необходимым ввести в дело гусарский полк и несколько пулеметов. Казаков я отрядил на фланги. От разведчиков поступило донесение, что поезд, полный, должно быть, неприятельскими солдатами, остановился перед разрушенным участком железнодорожного полотна и пытается отъехать назад. Это тем не менее не помешало германцам выгрузиться в каком-то другом пункте и двинуться на наши фланги с одновременным охватом тыла. Тем временем отступавшие перед нашими уланами германские цепи получили подкрепление, и мы в любую минуту ожидали начала их контратаки. Во всяком случае, было ясно, что методичные германцы дожидаются результатов обходного маневра своих частей, прибывших на поезде, и, возможно, других войск, до сих пор нами не обнаруженных. В этот момент мимо меня провезли на санитарной двуколке тело одного из наших уланских полковников – Панкратьева, а вскоре после этого был еще убит командир первого эскадрона улан.

По развитию боя стало ясно, что со своими довольно слабыми силами – я располагал немногим более чем полутора тысячами штыков из спешенных кавалеристов, принадлежавших к различным конным частям, – мне не удастся пробиться к Алленштейну.

Когда в начале боя послышалась ответная канонада, мне пришло в голову, что это, возможно, ведет огонь наша кавалерийская дивизия, наступающая с севера, и я даже велел на время прекратить стрельбу, чтобы в том удостовериться. Однако мои артиллеристы очень скоро по звуку разрывов определили, что пальба ведется именно из германских орудий.

Ни таким образом, ни рассылкой множества разведчиков мне так и не удалось раздобыть никаких сведений о приближении русской кавалерии, которая, по нашим расчетам, должна была уже находиться где-то поблизости.

Прежде чем начать отступление, я испытал сильное искушение выпустить несколько снарядов по Алленштейну. Однако, поскольку у меня не было уверенности, что в городе действительно находятся какие-нибудь германские штабы или войска, я от этой затеи отказался, и в первую очередь потому, что вспомнил о мирных жителях, которые все еще могли оставаться в домах.

Приблизительно к трем часам пополудни мы успели покрыть, если верить карте, более пятидесяти километров, участвовали в нескольких небольших стычках при пересечении железных дорог и в одном более серьезном бою перед самим городом Алленштейном, а также определили принадлежность некоторых германских частей, защищавших Алленштейн. За все время движения мы не обнаружили никаких признаков присутствия русских войск, поэтому я чувствовал, что сделал все возможное с имевшимися в моем распоряжении силами. При данных обстоятельствах я посчитал своим долгом вывести войска из боя и найти способ соединиться с главными силами нашей армии, что теперь являлось для нас самой сложной проблемой. Кроме того, я должен был каким-то образом оторваться от противника, чтобы дать возможность отдохнуть людям и лошадям и накормить тех и других, так как мои кавалеристы не сходили с седла и ничего не ели уже целый день. К сожалению, часть обратного пути должна была проходить по тому же маршруту, что и наступление, поскольку это была кратчайшая и самая удобная дорога.

Позднее я решил, что мне удастся, может быть, под покровом темноты изменить направление и таким путем обвести германцев вокруг пальца, так как они, несомненно, уже приняли меры для перехвата дивизии при ее возвращении к нашим главным силам. Конечно, оставалась еще возможность двинуться вперед для соединения с армией Самсонова, которая должна

была находиться в окрестностях Алленштейна. Однако поскольку установить, в каком направлении он двигался, не представлялось возможным, результат такого наступления оказался бы гадательным.

К счастью, германские части, приехавшие по железной дороге и задержанные разрушением дорожного полотна и огнем наших разведчиков, вместо того чтобы высадиться из поезда, возвратились в свой исходный пункт. Это давало мне шанс вывести из боя все полки и начать отступление, оставив в арьергарде только несколько гусарских эскадронов с пулеметами.

Наши кони так хорошо отдохнули, что первые несколько километров мы проехали крупной рысью. Я поставил во главе колонны генерала Нилова³⁶ – брата известного адмирала, который повсюду сопровождал покойного императора, а сам остался в арьергарде.

К шести часам вечера мы проделали значительную часть пути. Так как уже почти наступили сумерки, я решил дать людям отдохнуть и задать корм лошадям. Увидев в стороне от дороги отдельно стоящую крестьянскую усадьбу, я приказал колонне свернуть в этом направлении, разослать по округе маленькие сторожевые заставы и накормить лошадей, не расседывая их и не отпрягая от орудий. Усадьба оказалась совершенно покинута; амбары ломились от фуража. В жилых помещениях имелись следы недавнего пребывания людей; на кухне еще готовилась еда. Меньше чем через четверть часа после нашего появления мне доложили, что солдаты, бравшие на сеновале сено, обнаружили там двух немок – хозяйек усадьбы, которые глубоко зарылись в сено. Вначале женщины только плакали, но, когда им было сказано, что за все, взятое офицерами, им будет заплачено, а за реквизируемый фураж выдадут расписку, они даже взялись готовить для нас еду. Мы ничего не ели уже целые сутки, и незнакомое нам, но очень вкусное германское кушанье оказалось очень кстати. Приблизительно в восемь часов вечера в наступающей темноте обе женщины были задержаны при попытке перелезть через изгородь с очевидным намерением бежать из усадьбы. Мы не отнеслись к их действиям с должной серьезностью. Я, впрочем, все же приказал за ними приглядывать. Узнав от своих командиров о крайней усталости их частей, я решил дать лошадям более продолжительный отдых, так как нам оставалось проехать еще от тридцати до сорока километров. Для отступления мне пришлось выбрать окольную дорогу, чтобы до установления прямого контакта с главными силами нашей армии избежать пересечения районов, в которых можно было столкнуться с сопротивлением на железнодорожных переездах и тому подобных пунктах.

Мы распорядились о разбивке лагеря, и, вероятно, большинство людей уже заснуло, когда меня разбудили и донесли, что обе женщины, воспользовавшись темнотой, скрылись, причем все поиски оказались напрасны. Единственный вывод, который я мог сделать, заключался в том, что их побег до получения денег и расписок за реквизируемый фураж мог быть предпринят только с целью поднять тревогу среди местного начальства. Оно же, получив сведения о нашем появлении, должно было немедленно по телефону обратиться за помощью к германским войскам. Добавлю между прочим, что мы были не в состоянии перерезать все телефонные и телеграфные провода. Все командиры частей, а в особенности начальник артиллерии, просили меня сняться с лагеря не позднее одиннадцати часов вечера, невзирая на крайнее утомление кавалеристов и артиллеристов. Взвесив все за и против быстрого отступления, необходимость которого обуславливалась побегом хозяйек усадьбы, я решил согласиться с предложением своих офицеров. Женщины ввели нас в заблуждение, разговаривая по-польски (по правде говоря, не слишком свободно) и изображая доброе отношение к русским. Во всяком случае, мне казалось, что обстоятельства делают наш уход неизбежным.

---

³⁶ Нилов Иван Дмитриевич (1859–1933) – в чине генерал-майора командовал 2-й бригадой 1-й кавалерийской дивизии. Награжден Георгиевским оружием (ВП 22.09.1914). Генерал-лейтенант (1917), участник Белого движения. (Брат – Нилов Константин Дмитриевич – генерал-адъютант, адмирал и флаг-капитан Е. И. В. (фактически начальник личного морского оперативного отдела императора).)

В одиннадцать часов вечера колонна двинулась той же дорогой, по которой шла до остановки; в авангарде я снова приказал быть уланскому полку. Из-за темноты уланы сбились с пути, причем эта незадача была обнаружена штабс-ротмистром Новиковым из штаба дивизии, который ехал во главе первого эскадрона вместе с командиром бригады генералом Львовым и с эскадронным командиром, только когда они при свете электрических фонариков прочитали установленный на перекрестке дорожный указатель. Свернув в нужном направлении, они не сообразили, что в результате остались без передового охранения. Беда случилась в селении, которое казалось совершенно вымершим. Вокруг не было слышно ни звука; в окнах не мерцало ни огонька. Доехав до центра поселка, передовые ряды конников были в упор расстреляны залпом десятка винтовок. Стреляли с такого близкого расстояния, что штабс-ротмистр Шевцов был убит наповал. Он стал третьим по счету погибшим командиром 3-го уланского эскадрона и приступил к исполнению этих обязанностей только в полдень того дня. Прежде он был моим адъютантом. Штабс-ротмистр прибыл из Москвы по собственному почину и оказался в дивизии достаточно необычным путем. Получив приказ о переводе в юнкерское училище, он, чтобы уехать из Москвы, был вынужден оставить новое место службы в надежде позднее официально оформить перевод в свой прежний уланский полк. Он погиб раньше, чем в дивизии была получена необходимая бумага. Другая пуля попала в полевой бинокль, висевший на груди у ехавшего рядом с ним офицера; счастливая случайность спасла кавалеристу жизнь. Генерала Львова сбросила с седла лошадь, которой пуля угодила в одну из латунных блях, украшавших уздечку. Конь умчался в темноту, а генерал Львов, очнувшись, счел за благо отползти в сторону и подождать дальнейшего развития событий.

Услышав как будто совсем рядом от себя винтовочные выстрелы – по ночам звуки разносятся очень далеко, – я немедленно приказал кавалеристам спешиться и цепью прочесать селение, если возможно, не поднимая стрельбы. Цепочка солдат двинулась вперед, и скоро я уже мог подъехать к месту, где прогремел залп. Посреди дороги лежало тело эскадронного командира Шевцова. В нескольких шагах от него стояла загромождающая проезд большая крестьянская телега, от которой тянулись через улицу проволоки, которыми она была прикручена к стоявшим по обочинам дороги деревьям. Было ясно, что баррикада, подготовленная маленьким кавалерийским отрядом неприятеля, предназначалась для нашей встречи. Солдаты, ехавшие вслед за офицерами попавшего в засаду эскадрона, рассказали, что сразу же после залпа они слышали стук копыт идущих галопом лошадей.

В этот момент мне доложили, что найден конь генерала Львова, но самого генерала никто не видел. Вначале я подумал, что во время неразберихи, последовавшей за залпом, его захватили в плен, возможно – раненым, либо сидевшие в засаде германцы, либо местные жители, которые могли запереть его где-нибудь в поселке. Поэтому я решил обыскать селение, как бы трудно ни было выполнить это в темноте и невзирая на неизбежную в таком случае задержку. Однако раньше, чем казаки и уланы успели прочесать все дома, передо мной собственной персоной явился генерал Львов. Он объяснил, что, свалившись с коня, предпочел спрятаться. В конце концов, услышав голоса и стук колес артиллерии, он решил выбраться из своего укрытия.

Я приказал дивизии продолжать движение. Дальше мы приблизительно до полудня ехали без особых происшествий, не встретив в окрестностях и следа германских частей. Я решил, что мы находимся уже вне пределов досягаемости неприятеля. Понимая, что люди за последние тридцать шесть часов проделали более ста километров – не говоря уже о столкновениях с неприятелем, – я приказал всей дивизии стать на бивак, чтобы солдаты могли поесть и отдохнуть, и даже разрешил расседлать коней. Фортуна еще раз стала на нашу сторону, поскольку раньше, чем этот приказ был исполнен, ко мне сначала подъехал с донесением унтер-офицер, а затем корнет Тютчев лично доложил мне, что с расположенного неподалеку небольшого холма видна спешно приближающаяся цепь германской пехоты численностью до полка. Неприятель

подошел уже так близко, что его отчетливо видно невооруженным глазом. Цепь приближалась, двигалась в направлении с юга на север, из чего можно было заключить, что германцы ожидали моего возвращения на том самом маршруте, по которому я проник в их расположение. Теперь они совершали фланговый маневр с намерением либо отрезать мне путь к отступлению, либо атаковать во фланг.

Крайнее утомление моих полков, а главное – конского состава артиллерии делало невозможным принять бой. Если бы нам пришлось выбрать артиллерийскую позицию на вспаханном поле, орудийным упряжкам не достало бы сил вытягивать пушки. Даже при движении по дороге с твердым покрытием ездовым приходилось впрягать запасных лошадей, давая отдых самым утомленным. Солдаты сходили с коней и гнали их перед собой, как стадо скота – настолько они были измучены.

Я приказал колонне двигаться в северо-восточном направлении, чтобы избежать столкновения с неприятелем, намного более сильным, чем в тот момент были мы, и стараться вступить в непосредственный контакт с нашими войсками. Несмотря на это, гусарский полк, составлявший наш арьергард, подвергся сильному ружейному и артиллерийскому обстрелу. Я был вынужден оставить голову колонны на одного из бригадных командиров и поехал в арьергард, которым руководил командир гусар полковник Гротен³⁷.

Впоследствии мы узнали, что наши главные силы 31 августа отошли в восточном направлении; именно поэтому мы встретили в этом районе германцев. После того как я занял место в арьергарде колонны, мои передовые части обнаружили еще одну неприятельскую цепь, состоящую из пехоты и кавалерии. Я как раз собирался отдать приказ готовиться к бою, чтобы победа далась врагу дорогой ценой, когда начался проливной дождь, совершенно скрывший нас от противника. К тому времени, когда дождь перестал, мы уже миновали небольшой лесок, который заслонил нас от наблюдения и обстрела неприятеля. Полтора или два часа спустя мы вышли к передовым заставам наших главных сил и только тогда по-настоящему осознали, что нам удалось выбраться с вражеской территории, сделав все возможное для выполнения данного нам приказа.

Несколько дней спустя я узнал, что на рассвете 17-го (30-го) числа в деревню, откуда мы начали свой рейд к Алленштейну и где оставалась часть наших повозок с боеприпасами, прибыл приказ генерала Жилинского, отменяющий полученные нами предписания. Этот приказ отправили мне вдогонку, но, разумеется, при свете дня небольшой разъезд, который вез пакет, не смог пробраться через германскую передовую линию. Другая кавалерийская дивизия успела получить этот приказ и не двинулась с места. Получается, что нам удалось совершить этот «прорыв» и вернуться целыми только благодаря исключительной удаче.

Было бы интересно выяснить, и, возможно, будущее даст ответ на этот вопрос, каким образом германцы объяснили для себя присутствие в своем глубоком тылу крупного вражеского соединения с артиллерией.

Позднее стало известно, что во время нашего рейда в Алленштейне находился штаб одной из германских армий. Должен признать, что сожалею о своем отказе разрешить нашей батарее выпустить по городу несколько снарядов. Это стало бы первым за войну случаем, когда штаб-квартира одной из германских армий подверглась прямому обстрелу полевой артиллерии.

---

³⁷ Вероятно, Гротен Павел Павлович (1870—?) – генерал-майор свиты Е. И. В., в 1912–1915 гг. командовал 1-м Сумским гусарским полком; с октября 1915 г. – командир лейб-гвардии Конно-гренадерского полка.

Глава 7 ТАННЕНБЕРГСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Как я уже указывал, генерал Ренненкампф решил вторгнуться в Восточную Пруссию, не дожидаясь окончания организации своего тыла. К принятию этого решения его побуждали, во-первых, желание захватить инициативу, а во-вторых – стремление воспользоваться преимуществом, возникшим благодаря малочисленности сосредоточенных на границе Восточной Пруссии германских войск. Таким путем он надеялся опрокинуть все расчеты неприятеля.

В то время генерал Самсонов, завершив сосредоточение армии, стоял на восточно-прусской границе и продолжал заниматься организацией своего тыла, одновременно выдвигая вперед на германскую территорию свою кавалерию, подкрепленную незначительными пехотными частями. Нет никаких сомнений в том, что при условии согласованных действий Ренненкампфа и Самсонова их войска добились бы крупного успеха. Тем не менее очень трудно сказать, возможно ли было предпринять подобное объединенное наступление в самом начале войны. У германцев имелись все сведения о нашем театре военных действий вблизи от Восточной Пруссии; им были отлично известны все трудности, с которыми мы столкнемся в первые дни кампании при выдвигании вперед наступательных средств; именно поэтому они и не ожидали нашего наступления. Возможно, что в первую неделю кампании движение вперед таких крупных сил, как 1-я и 2-я армии, оказалось бы делом чрезвычайно трудным.

Ясно только одно. Если бы это наступление было отменено, германцам не пришлось бы проводить перегруппировку своих армий или передислоцировать войска из Франции в Восточную Пруссию. Кроме того, им не было бы нужды выделять для Восточного фронта такое значительное количество боеприпасов и артиллерии. Оба этих фактора ослабили положение германских войск в сражении на Марне, которое стало поворотным пунктом в ходе их операций на территории Франции. Битва на Марне была проиграна германцами из-за отсутствия у них свежих резервов и нехватки артиллерии и боеприпасов. При этом не следует забывать, что бои в Восточной Пруссии не только поглотили большое количество снарядов, но и вынудили германцев увеличить там местные резервы боеприпасов за счет центральных запасов.

Вторжение генерала Ренненкампфа в Восточную Пруссию, начавшееся в первых числах августа, в течение примерно десяти дней развивалось победоносно, после чего по естественным причинам застопорилось. Даже в том случае, если бы весь транспорт и тыловые учреждения Ренненкампфа находились в полной готовности, приостановить движение все равно было бы необходимо, так как большая часть его сил очень далеко удалась от железнодорожной базы, а снабжение гужевым транспортом стало почти невозможным. Восточно-прусские железные дороги было необходимо перешивать на широкую русскую колею, а эта работа была пока отложена, поскольку саперы еще не успели подготовить для этого рабочие команды. Германцы отвели почти весь свой подвижной состав в тыл. Из захваченных паровозов и вагонов нам удалось составить всего несколько поездов; особенно мешала нехватка локомотивов. Мы ожидали прибытия подвижного состава из Варшавы, где движение почти совершенно прекратилось. Единственной русской дорогой, рассчитанной на узкую европейскую колею, была Варшавско – Венская линия с ответвлением на Александрову³⁸.

Причиной, вызвавшей постройку в XIX веке первой русской железной дороги с широкой колеей, послужило желание предотвратить или, во всяком случае, затруднить вероятное германское вторжение, которое было бы невозможно без полной перешивки путей.

В те дни для принятия такого решения имелись вполне достаточные основания, так как тогда работы по переделке путей выполнялись медленнее, чем теперь. В настоящее время при

---

³⁸ Александрова, иначе – Александрове или Александров-пограничный – местечко Варшавской губернии на границе с Восточной Пруссией.

наличии достаточного количества рабочих и инженерного персонала такая работа может проводиться с быстротой, почти равной скорости наступления полевой армии, а при ведении траншейной войны даже имеется время, достаточное для строительства совершенно новых линий. Из-за того что в России расстояние между рельсами было больше, чем у них, германцам приходилось обрезать наши шпалы под размер своей колеи; со временем это заставляло нас укладывать новые шпалы, что требовало гораздо больше времени.

Успешное наступление Ренненкампа и увеличивавшаяся с каждым днем боеспособность и подвижность армии генерала Самсонова привели к принятию решения, согласно которому она должна была поддержать наступление армии Ренненкампа сильным ударом в северном направлении. Казалось, что эта операция должна пройти успешно, поскольку кавалерия Самсонова на германской территории не сталкивалась с особыми препятствиями и не встречала серьезного сопротивления. Было решено, что Самсонов должен наступать силами четырех армейских корпусов и нескольких кавалерийских дивизий на фронте шириной приблизительно в тридцать километров. Впереди должны были двигаться два армейских корпуса – 13-й и 15-й. Им следовало тесно взаимодействовать друг с другом, наступая по центру и имея передовые отряды своих авангардов на одной линии.

По обе стороны от двух наступающих в центре армейских корпусов на расстоянии половины дневного перехода от их флангов и держась несколько в тылу, должны были двигаться справа – 6-й армейский корпус и слева – 1-й.

Предполагалось, что главный удар нанесут два корпуса, наступающие в центре, тогда как войска,двигающиеся с некоторым отставанием у них на флангах, должны будут служить защитой главных сил от любого возможного вражеского обходного маневра. В том же случае, если продвижение главных сил будет приостановлено из-за активного сопротивления германцев, фланговые корпуса должны будут продолжать наступление с целью охвата группировки противника, задержавшей наступление в центре.

Танненбергское сражение, детали которого стали известны позднее, получило свое название от большого леса, находившегося позади поля боя, на которое были отеснены два центральных корпуса и где они были окружены германцами, а позднее взяты в плен вместе со всеми офицерами. Планы нашего наступления, ввиду тактических ошибок, совершенных командирами фланговых корпусов, не были реализованы, а два корпуса, наступавшие в центре, оставшиеся без поддержки и окруженные живой стеной неприятельских войск, не имели иного выбора, кроме как после упорного сопротивления сложить оружие.

Бой начался утром 28 сентября, причем с самого начала фланговые корпуса столкнулись с довольно сильным сопротивлением противника, который угрожал войскам, двигавшимся в середине колонн, имея совершенно недостаточное кавалерийское прикрытие. Вероятно, сопротивление германцев стало полной неожиданностью, так как оба корпуса, не введя в дело и половины своих сил, начали отход в тот самый момент, когда два корпуса главных сил вступили в тяжелый бой. С фронта сражение развивалось для русских войск благоприятно; ими было захвачено несколько тысяч пленных, и имелись все основания надеяться на большую победу. Некоторое время события развивались своим чередом; обе стороны несли тяжелые потери. Неожиданно на поле боя появились свежие германские колонны, двигавшиеся для нанесения удара по обоим флангам русских войск, наступавших в северном направлении. Одновременно поступили сообщения, что эти вражеские колонны угрожают охватить оба наших фланга, что означало бы, разумеется, полное окружение двух русских корпусов.

В штаб-квартире главных сил армии Самсонова совершенно ничего не было известно о положении дел во фланговых корпусах. Предполагалось, что они своими действиями препятствуют обходным маневрам германцев. На самом же деле эти корпуса отступили, полностью потеряв контакт с неприятелем. Возможно, будет вполне естественно задаться вопросом, почему генерал Самсонов не отдал приказов, которые заставили бы фланговые корпуса пре-

кратить отход, снова пойти в наступление и единым фронтом ударить во фланг и тыл германских колонн, которые начали окружение двух находившихся в центре корпусов. Даже упустив эту возможность, Самсонов в любом случае мог своевременно приказать своим войскам выходить из боя, который очень скоро угрожал стать неравным.

Генерал Самсонов со своим штабом находился на наблюдательном пункте вместе с командиром 15-го корпуса генералом Мартсоном³⁹ и наблюдал, в пределах имевшейся отсюда видимости, за успешно развивающимся перед ним наступлением своих войск.

Впоследствии очевидцы сообщили, что за время сражения Самсонов несколько раз спрашивал у генерала Мартсона, не поступало ли от фланговых корпусов каких-либо известий. Каждый раз ответ был отрицательным. Отсутствие сведений объяснялось сложностью поддержания в открытом бою связи с другими командирами, а также и тем, что фланговые корпуса находились в движении и сталкивались с исключительными трудностями при установлении хотя бы какого-нибудь контакта с остальными войсками. Самсонов, лишенный каких бы то ни было сведений о положении находившихся под его командой войск, потерял всякую способность управлять их действиями. Тем самым он нарушил одно из элементарных правил военной стратегии, которое требует от командующего армией выбора для своей штаб-квартиры такого пункта, в который может без задержек стекаться информация и откуда ему легко было бы связываться со всеми подчиненными ему войсками.

Чем хуже бывает налажена связь, тем менее оказывается склонен командующий армией к тому, чтобы приблизиться к месту сражения и лично постараться компенсировать недостатки связи с вверенными ему войсками. К тому же склонность делать обобщения, которой наделен практически каждый человек, неизбежно приведет командующего армией к представлению о том, что происходящее непосредственно у него на глазах имеет место и в тех районах боевых действий, которые он лично наблюдать не имеет возможности. Поражение или успех части, за действиями которой командующий армией наблюдает лично, могут привести его к отдаче всей армии в целом таких приказов, которые, отвечая положению, складывающемуся непосредственно перед его глазами, могут оказать катастрофическое влияние на ход всей битвы.

В Танненбергском сражении успех, сопутствовавший на начальном этапе боев войскам, за действиями которых генерал Самсонов наблюдал непосредственно, являл такую оптимистичную картину, что конечная победа показалась ему несомненной. К несчастью, именно в этот момент действия двух его фланговых корпусов, о положении которых Самсонов не имел ни малейшего представления, час за часом вели к катастрофе, которая в конце концов постигла находившиеся в центре корпуса. Каждый прошедший час приносил все новые подтверждения того, что 13-й и 15-й корпуса оказываются во все более плотном германском кольце. Генерал Мартсон отправился к частям, ведущим фронтальное наступление, чтобы распорядиться о постепенном отступлении и о выводе из боя одной дивизии за другой. Одновременно Самсонов поехал в другом направлении, предположительно – чтобы установить связь с остальными корпусами своей армии. Однако все эти меры были приняты слишком поздно.

Катастрофа уже постигла 13-й и 15-й корпуса. Выполняющие охватывающее движение германские колонны вклинились к ним во фланги и в тыл так глубоко, что только малая часть обоза и относительно незначительное количество пехотинцев сумели вырваться из плотного германского кольца, которое с каждой минутой все сжималось. Два армейских корпуса медленно отходили в тень Танненбергского леса – совершенно беспомощные и не имеющие возможности использовать свою артиллерию. В результате этой катастрофы германцы захватили в плен два почти полностью укомплектованных армейских корпуса со всеми офицерами и осво-

---

³⁹ Вероятно, Мартсон Федор Владимирович (1853–1916), с 1906 г. командир 15-го армейского корпуса. Генерал от инфантерии (1910).

бодили собственных пленных, взятых русскими в начале сражения. В кольце окружения оказался и генерал Самсонов со своим штабом, хотя германцам о том известно не было.

* * *

Наступила ночь. Самсонов, сопровождаемый пятью офицерами его штаба, искал в густом лесу дорогу к русской границе. Свои автомобили они бросили, так как пользоваться дорогами было слишком рискованно. Маленький конный отряд, выезжающий из леса, несмотря на темноту, был обнаружен германской пехотной заставой, вооруженной пулеметом. Под градом пуль отряд спешился и продолжал двигаться в глубь следующей лесной полосы. Их окружила полная темнота. Звуки боя стихли, и слышны были только тяжелые шаги в кустарнике да по временам – голоса членов маленькой группы, которые окликали друг друга, чтобы не потерять друг друга в темноте. Время от времени делали остановку; тогда все собирались вместе, чтобы убедиться, нет ли отставших.

Генерал Самсонов, страдавший болезнью сердца и дышавший со все большим трудом, брел последним. В какой-то момент при переключке отозвались все, кроме него. Начальник его штаба генерал Постовский⁴⁰ немедленно приказал остановиться и в густой темноте возглавил поиски пропавшего командующего.

Они оказались безуспешны. Очевидно, Самсонов остановился достаточно давно, поскольку внимательные систематические розыски в чернильной тьме и повторные оклики его по имени не дали никаких результатов. Зная о сердечной болезни Самсонова, генерал Постовский предположил, что он присел отдохнуть, и решил, что для маленького отряда будет лучше продолжать двигаться вперед, оставив его пробираться в одиночку. Перед рассветом пятеро офицеров встретили отряд русской кавалерии, возвращавшийся из разведки. Сообщив о себе офицеру, командовавшему разъездом, они получили запасных лошадей, хотя некоторым пришлось садиться верхом по двое, и в конце концов добрались до русской границы.

* * *

Что случилось в конце концов с Самсоновым, выяснить с определенностью так и не удалось, хотя трудно сомневаться в том, что он умер в одиночестве после безнадежного бегства в лесной темноте. Много позднее какой-то артиллерист рассказал, что видел генерала Самсонова сидящим в полном одиночестве в лесу. Он обратился к генералу, и дальше они двинулись вместе. Однако Самсонов с каждой минутой все слабел. Наступил день, и несчастный генерал, чувствуя, что не может больше ступить ни шагу, присел на кочку и приказал солдату спастись дальше в одиночку. Была слышна артиллерийская и винтовочная стрельба, и злополучный генерал оставил всякую надежду на спасение. Как выяснилось, его отчаяние было необоснованно. Артиллеристу удалось пробраться через германские посты, и в конце концов он возвратился в свою часть.

Никто никогда не узнает, какой ужасающий мрак воцарился в душе генерала Самсонова, когда он сидел на земле, incapable уже просто передвигать ноги. Сердце было полно горечью поражения, а впереди не светило даже слабого лучика надежды. Кто знает, быть может, его слабое сердце отказалось дальше выносить тяжесть страшного несчастья, и генерал Самсонов в самом буквальном смысле умер оттого, что его сердце разорвалось – от горя?

Через некоторое время, после того как солдат, последним видевший Самсонова, и все жители ближайших окрестностей были тщательно допрошены, мы установили, что в этом рай-

---

⁴⁰ Постовский Петр Иванович (1857 – после 1931) – с августа по октябрь 1914 г. в чине генерал-майора исполнял должность начальника штаба 2-й армии. Генерал-лейтенант (1915).

оне был похоронен неизвестный военный, с тела которого сняли золотой медальон. Мы получили эту вещицу и обнаружили внутри миниатюрный портрет супруги генерала. Таким образом, почти не подлежит сомнению, что Самсонов умер и был похоронен в этом унылом лесу.

Эти сведения, однако, были получены далеко не сразу, и в течение первых месяцев после катастрофы 2-й армии широко распространились слухи о том, что Самсонов, переодетый простым солдатом, был взят в плен германцами. Рассказывали даже, что его супруга будто бы получила от самого генерала известие, подтверждающее его пленение.

* * *

Как это всегда случается в подобных обстоятельствах, долго циркулировали слухи о том, что причиной разгрома армии Самсонова в Танненбергских лесах стала измена, но я могу совершенно уверенно утверждать, что все эти слухи были совершенно безосновательны. Причинами поражения явились неудачные распоряжения командиров и несчастное стечение обстоятельств. Военная удача в тот день сопутствовала германцам.

* * *

Можно было ожидать, что германцы постараются развить эту внушительную победу, которая, возможно, оказалась неожиданной для них самих, и вторгнуться на территорию России – в первую очередь потому, что для защиты именно этого пункта у нас почти совсем не было войск. Тем не менее в данном случае германцы, всегда твердо верившие в необходимость доведения любого предприятия до логического завершения, не пожелали, как видно, соблазниться своим легким, но, возможно, временным успехом. Дальнейшие события показали, что их план был всесторонне продуман и в точности выполнен. Можно предположить, что в момент, когда победное наступление генерала Самсонова привлекло внимание неприятельского командования и германцы сняли с Западного фронта несколько армейских корпусов, чтобы остановить продвижение русских войск, они опасались скоординированного вторжения в Восточную Пруссию двух армий,двигающихся по сходящимся направлениям. Германцам предстояло решить, должны ли они с помощью прибывших с Западного фронта подкреплений немедленно остановить обе русские армии или же сконцентрировать крупные силы против одной из них, чтобы атаковать эти армии по очереди.

Было бы естественно, если бы они предпочли бросить свои силы сначала на ту армию, которая уже оккупировала германскую территорию. Но с другой стороны, германцы должны были понимать, что наступление Ренненкампфа остановится или, по крайней мере, замедлится само собой из-за необходимости навести порядок в своих тылах и на железных дорогах. В противоположность этому, армия Самсонова могла немедленно двинуться вперед точно так же, как это сделали войска Ренненкампфа, причем его наступление оказалось бы для германцев более опасным, чем вторжение Ренненкампфа. По этой причине они двинули армейские корпуса, переброшенные, по всей видимости, с французского фронта или из резервов внутри страны, именно против армии Самсонова и даже усилили их дивизиями, взятыми из армии, действовавшей против Ренненкампфа. Я получил подтверждение этого факта во время нашего рейда на Алленштейн, когда были обнаружены явные признаки передислокации крупных неприятельских сил с северо-востока на юго-запад. Следы этого движения были не слишком свежими, но служили доказательством того, что перебрасываемые войска двигались в этом направлении по нескольким разным маршрутам. Германцы, как видно, в конце концов решили воспользоваться преимуществом, которое им обеспечила временная остановка наступления 1-й армии, для того чтобы бросить большую часть своих сил против армии Самсонова, которая только начала двигаться вперед, а после ее разгрома приняться за армию Ренненкампфа.

Генерал Ренненкампф, узнав о катастрофе, постигшей два армейских корпуса генерала Самсонова, немедленно приступил к подготовке дальнейшего наступления в глубь Восточной Пруссии. Ему удалось получить на это санкцию главнокомандующего фронтом, который даже пообещал отправить для поддержки 1-й армии 22-й армейский корпус. Этот корпус был взят из 10-й армии, сосредоточенной в тот момент к югу от Граево, и отправлен через Лык⁴¹ для окружения крепости Лётцен и прикрытия левого фланга армии Ренненкампфа.

Приказы об этом уже были отданы, а выполнение самой операции находилось только в начальной стадии, когда германцы сами перешли в наступление. Они, как видно, уже успели передислоцировать свои корпуса, участвовавшие в разгроме армии Самсонова. Хотя обещанные Ренненкампфу войска действительно продвинулись вперед, это не дало существенных преимуществ, поскольку, встретив сопротивление, они были вынуждены отступить на исходные позиции, тем самым предоставив германцам возможность повернуть свои силы против левого фланга генерала Ренненкампфа.

С каждым часом давление германцев на войска армии Ренненкампфа возрастало. Наши полки, сильно сократившиеся численно за время боев в Восточной Пруссии, были не в состоянии выдерживать напор полностью укомплектованных германских батальонов, среди которых находились и части, переброшенные с юго-запада, большинство из которых в Танненбергском сражении не понесло сколько-нибудь значительных потерь. Кроме того, очень вероятно, что батальоны, сражавшиеся в Восточной Пруссии, успели уже восполнить свои потери. Напротив, наши полки на этом этапе кампании не пополнялись; недостаточно развитая железнодорожная система не справилась еще с переброской в зону боевых действий кадровых полков первого эшелона или частей второго, которые были отобилизованы во внутренних районах империи. Наши постоянно тающие силы не получали подкреплений. Несмотря на это, генерал Ренненкампф все еще отказывался признать, что победа склоняется на сторону противника; он надеялся, что наступление обещанного ему 10-го корпуса у него на фланге даст хорошие результаты, и не решался дать приказ к отступлению. В донесениях, стекавшихся к нему с разных участков фронта, сообщалось об удачных боях, об отражении настойчивых германских атак и о захвате пленных и трофеев. А в это самое время противник, получивший в период предшествующих боев полное представление о силе и составе армии Ренненкампфа, отлично знавший, очевидно, о превосходстве своих сил и вдохновленный успешным окружением в Танненбергском лесу двух русских корпусов, храбро двигал вперед свои силы повсюду, где они встречали более слабое сопротивление.

Именно так относительно слабая германская кавалерийская часть с приданной ей артиллерийской батареей обнаружила незащищенный участок передовой, глубоко вклинилась в расположение наших войск и внезапно открыла огонь по городу и железнодорожной станции Гумбиннен.

Об обстреле Гумбиннена и о панике, которую он вызвал на транспорте, в штаб-квартиру Ренненкампфа одновременно донесли два офицера, но штаб не отнесся к их сообщению с должной серьезностью, несмотря на то что захват этой станции противником прерывал сообщение армии с ее базой снабжения. Только на следующий день отношение к произошедшему изменилось и войскам в спешке были разосланы приказы об отступлении к русской границе. Трудность положения, в котором оказалась армия Ренненкампфа, объяснялась тем, что германцы нанесли свой главный удар по ее левому флангу. Это было вполне ожидаемо, так как германцы могли с легкостью сосредоточить свои войска против этого фланга, а успешное наступление сулило принести значительные выгоды. Правый фланг Ренненкампфа был дальше выдвинут к западу, вследствие чего германцы могли рассчитывать, двигаясь по кратчайшему маршруту, отрезать правофланговые русские корпуса от границы.

---

⁴¹ Лык (или Лик) – город в Восточной Пруссии в 17 км от русской границы.

Дав своему начальнику штаба указания, предполагавшие организованное отступление всей армии к русской границе, генерал Ренненкампф был, как видно, настолько потрясен поступавшими одно за другим донесениями, что совершенно лишился самообладания и, бросив свой штаб, на автомобиле выехал к русской границе. В результате он прибыл в Ковно⁴², полностью отказавшись от управления своими войсками и предоставив им пробиваться назад самостоятельно, ведя тяжелые и рискованные арьергардные бои.

Несомненно, этот шаг возложил на генерала Ренненкампфа всю вину за неудачу операции. Позднее, в ноябре, на левом берегу Вислы, он был обвинен в том, что из-за его негодных распоряжений нам не удалось окружить два германских армейских корпуса, хотя этот возможный успех и считался уже совершившимся фактом; в результате высшие военные инстанции решили сместить его с поста командующего армией.

Этот эпизод стал огромной сенсацией не только в России, но и по всей Европе; это доказывает, что генерал Ренненкампф считался тогда военной звездой первой величины. На свете не существует людей без слабостей, и достаточно часто случается, что человек под влиянием тех или иных обстоятельств поступает вопреки всему, что подсказывают ему опыт, интеллект и темперамент, перечеркивая тем самым все свои прежние заслуги.

Сомнительно, что замена Ренненкампфа другим лицом принесла какую-либо пользу. Возможно, что просчеты, совершенные им в первые месяцы кампании, удержали бы его от совершения чего-либо подобного в будущем. Во всяком случае, сам он очень тяжело переживал выпавшие на его долю злоключения. Трудно сказать, признавал ли он, что заслуженно пострадал за совершенные им серьезные ошибки. Во всяком случае, в тот момент многие в войсках сожалели об отставке Ренненкампфа и продолжали верить в его энергию, военные таланты и решительность, не обращая внимания на временную слабость, которую он продемонстрировал в дни первого вторжения в Восточную Пруссию.

---

⁴² С 1917 г. – Каунас.

Глава 8 БОИ В ПОЛЬШЕ И ГАЛИЦИИ

Одержав победу над армией Самсонова, германцы побороли естественное желание развить ее и поспешили перебросить свои войска для пресечения нового наступления армии Ренненкампа. Когда же они сломили упорное сопротивление 1-й армии и вынудили ее отступить к границе, то не имели никаких причин для отсрочки собственного наступления, а потому продолжали стремительно двигаться в хвосте отступающих русских частей со всей возможной быстротой.

Германцы не могли тогда испытывать сколько-нибудь серьезных затруднений со снабжением продовольствием или с транспортом для перевозки войск, поскольку в их распоряжении была сеть хорошо налаженных шоссейных и железных дорог. Несмотря на то что русские части при отступлении разрушили несколько железнодорожных линий и станций, к основной работе по перешивке путей на широкую российскую колею даже не приступали; в тот момент мы предпочитали использовать подвижной состав Варшавско-Венской железной дороги, работа которой тогда почти замерла.

Численное превосходство германских войск и расстройство, в которое пришли русские части в результате последних неудачных боев, а главное – большие потери личного состава – все это не позволило нам закрепиться на своих границах. Важно было и то, что на данном участке отсутствовали как крепкие от природы рубежи, так и заранее подготовленные позиции. В русской армии тогда даже не задумывались об устройстве обороны с применением проволочных заграждений. Первые поставки русским частям колючей проволоки начались только в декабре 1914 года. Ближайшими линиями, на которые можно было отвести наши войска, чтобы в тылу под их прикрытием переформировать и пополнить для восстановления полной боеспособности расстроенные части, были для 1-й армии река Неман, а для 2-й и 10-й армий – река Нарев и Августовский канал. Для этой цели указанная линия обороны подходила тем больше, что усиливалась близостью к форту⁴³ и дополнительно укреплялась цепочкой заранее предусмотренных укреплений (часть из которых уже была подготовлена).

Можно сказать, что к тому времени формирование 10-й армии было завершено, если не считать организации тыла; с ее помощью удалось заполнить разрыв между 1-й и 2-й армиями.

Моя кавалерийская дивизия была включена в эту армию и получила приказ следовать к городку Граево. Дивизия едва успела приблизиться к месту назначения, когда поступило новое распоряжение – переправить ее на правый фланг 10-й армии, находившийся в Августовских лесах, для ведения в интересах фланговых частей разведки и для организации связи с 1-й армией, отступившей на правый берег Немана. Русская армия с каждым днем усиливалась, и германцы по мере продвижения на российскую территорию сталкивались со все возрастающим сопротивлением. А кроме того, с каждым шагом германского наступления сокращалось их преимущество, обусловленное хорошей организацией железнодорожных коммуникаций. Даже немногие имевшиеся здесь дороги со щебеночным покрытием были непригодны для движения германской тяжелой артиллерии и грузовиков.

Эти трудности еще усилились благодаря продолжавшимся несколько дней ливням, в результате которых и грунтовые, и щебеночные дороги стали непроезжими; если на то пошло, то движение по этим последним требовало теперь даже больших усилий, чем езда по неподготовленным проселкам. В войсках в то время рассказывали следующую историю. Некий пленный германский офицер после допроса якобы сказал в частной беседе: «Вот вы, русские, утверждаете, что не готовились к войне. В таком случае каким же образом вам удалось за столь

---

⁴³ Возможно, имеется в виду Осовец.

короткое время превратить все свои дороги в непроезжее болото? Совершенно ясно, что вы еще задолго до войны умышленно занимались их порчей».

В тот момент обстановка на австрийском фронте определенно складывалась в нашу пользу. Австрийские войска, которые в начале кампании пересекли русскую границу, двигались в направлении с юга на север. Направляя свой главный удар на линию Люблин – Холм, они, в свою очередь, были атакованы нашими наступающими армиями, причем первые столкновения проходили с переменным успехом. Во многих боях австрийцы имели численное превосходство, но день ото дня их сопротивление ослабевало, а вскоре они начали терпеть серьезные поражения, во множестве попадая в плен и теряя значительное количество боевого снаряжения. Когда в первых числах сентября австрийцы начали отступление, то оказались не в состоянии закрепиться на собственных границах. Даже на таком сильном оборонительном рубеже, как болотистая долина реки Сан, они не смогли остановить стремительного натиска наших войск, которые под массированным огнем австрийцев пошли в атаку и форсировали реку вброд, причем вода доходила некоторым солдатам до подбородка. И позднее австрийцам было очень трудно остановить продвижение наших частей, воодушевленных своими быстрыми успехами. Вся Россия и все наши союзники ликовали при получении известия о взятии нашими армиями, вторгшимися на австрийскую территорию с Вольни, столицы Восточной Галиции – города Лемберга⁴⁴.

Нашему наступлению очень сильно способствовала развитая сеть австрийских железных и шоссейных дорог, причем быстрота продвижения позволила русским частям захватить достаточное количество рассчитанного на местную колею подвижного состава, большая часть которого принадлежала железным дорогам Дековиль⁴⁵, линии которых в Галиции позволяли нам с большой скоростью осуществлять снабжение войск.

К тому же в такой богатой стране, как Галиция, в это время года мы находили на месте почти все необходимое войскам продовольствие. Единственным продуктом, которым приходилось снабжать армию во время наступления, был хлеб.

Вплоть до начала XX столетия, когда войска стали снабжаться армейскими интендантствами, во всех войнах солдатам выдавали сухари. Хлеб пекли только на стоянках в больших городах, где для этого использовали местные пекарни. В те времена о легких передвижных машинах для выпечки хлеба никто даже не думал. Генерал Куропаткин, заботливо относившийся к своим войскам, во время Русско-японской войны стал первым, кто начал широко использовать подвижные военные пекарни, в результате чего в его частях почти весь свежий хлеб выпекался на месте. Резонно предположить, что именно благодаря этому нововведению та война стала первой кампанией, в которой в армии больных было меньше, чем раненых и убитых, и это – несмотря на то, что боевые действия велись в климате, непривычном для русских войск, да еще в стране, которая даже в мирное время была подвержена эпидемиям, включая холерные. Знания, полученные на той войне, успешно применялись и в этой кампании. Невозможно не подумать о том, что отныне как в теперешней, так и в будущих войнах между цивилизованными народами вероятность того, что воинская часть может растаять на глазах, теряя от болезней больше людей, чем от огня противника, отойдет в область мрачных воспоминаний. Потери от ружейного и артиллерийского обстрела на войне неизбежны, тогда как убыль личного состава от болезней и эпидемий может быть в значительной степени предотвращена, несмотря на то что эти факторы продолжают оказывать определенное влияние на ход военных действий. С другой стороны, необходимость подвоза в воинские части свежего хлеба взамен сухарей значительно осложняет задачу продовольственного снабжения армии. Разуме-

---

⁴⁴ Лемберг – Львов.

⁴⁵ Дековиль – французский инженер, который в конце XIX в. сконструировал узкоколейные железные дороги и создал для эксплуатации своей идеи компанию.

ется, решение этой проблемы для нас оказывалось делом более трудным, чем для неприятеля – в особенности в тот период, когда бои велись в районах, находившихся вблизи от наших границ, где противоборствующие стороны располагали железнодорожными сетями, находившимися на совершенно разных ступенях развития.

Очень вероятно, что одной из причин, побудивших германцев переменить свои планы в пользу нанесения главного удара на Варшавском направлении, стала надежда таким путем оказать реальную помощь своим австро-венгерским союзникам. В первые месяцы войны вся территория Царства Польского, находящаяся на левом берегу Вислы, оказалась вне сферы сколько-нибудь активных военных действий. Германия удовлетворилась взятием Калиша, где ее солдаты обращались с жителями с ничем не оправданной жестокостью, которая в конечном счете обернулась против них самих, так как террор был направлен главным образом против польского населения, вследствие чего все российские подданные-поляки прониклись отчаянной ненавистью ко всем вообще германцам. Возможно, такое поведение германской армии объяснялось своего рода мстостью за провал некоторых из ее ожиданий. Насколько нам известно, германцы всегда надеялись, что в случае объявления мобилизации население польских губерний добром не пойдет служить в русскую армию. Они даже учитывали возможность перехода на их территорию большого количества дезертиров. Жестокость, проявленная германцами в отношении жителей Калиша, была того же сорта, что и зверства, творимые ими в Бельгии; поэтому, когда в бельгийской печати был приведен перечень совершенных ими актов вандализма и иных подобных гнусностей, стало очевидно, что Калиш и Лувен стали жертвами одной и той же системы террора.

Очевидно, что конечной целью и назначением этой системы было утверждение в сердцах местного населения такого ужаса, который бы исключал всякую вероятность враждебных действий в отношении недругов-завоевателей. Добиваться такого результата германцы намеревались путем применения бесчеловечной жестокости. Они явно считали свою систему благодетельной не только для самих себя, но и для населения государств, завоеванных ими силой оружия. Кажется, они верили, что террор может служить для покоренных народов предупреждением и гарантией того, что захватчикам не придется прибегать к еще большей жестокости в случае совершения действий, враждебных оккупационной армии. Относительно того, какую пользу их террористические меры принесли германцам, судить должны они сами. Что же касается действия, которое их методы произвели на бельгийцев, поляков, сербов и на все народы держав «сердечного согласия», то по этому вопросу двух мнений быть не может. Мне могут сказать, что я сам защищал подобную систему, настаивая на применении строгости для того, чтобы не попадать в положение, когда обстоятельства вынуждают быть по-настоящему жестоким. Однако аналогии ничего не доказывают. Строгость может и должна быть использована против лиц, которые так или иначе отчасти виновны, – для удержания других людей от следования дурным примерам.

В германской системе «превентивная» жестокость начинает применяться немедленно, как только какой-либо населенный пункт оказывается в их руках, без всякого учета степени виновности ее жертв. Однако суровость отделена от жестокости бездонной пропастью.

* * *

Для действий на левом берегу Вислы мы могли выделить всего несколько кавалерийских дивизий, тогда как вся пехота была сосредоточена на правом берегу реки. Поначалу даже варшавский гарнизон был довольно малочислен. В то же время германцы, строго следуя принципу концентрации всех на личных сил на направлении главного удара, в первый период войны полностью игнорировали эту часть русской территории. Только при вступлении германских

колонн в пределы Царства Польского был заполнен значительный разрыв, который до этого времени существовал между германскими и австро-венгерскими армиями.

Война постепенно приобретала черты, свойственные для применения линейной стратегии, и в тот момент было уже недалеко до совершения следующего шага в том же направлении – до перехода к позиционной или траншейной войне.

Разрыв между армиями Центральных держав был заполнен германскими частями ценой ослабления фронта по реке Неман и Августовскому каналу, а также за счет корпусов, переброшенных с французского фронта.

Вступив в Россию на фронте Ковно – Гродно, германцы рассчитывали преодолеть эту оборонительную линию одним ударом и добиться здесь победы, похожей на ту, которую одержали наши войска, форсировавшие австрийскую оборону, включавшую реку Днепр⁴⁶ с сильно укрепленными берегами.

Для форсирования Немана германцы бросили вперед сильные пехотные колонны, состоявшие из нескольких дивизий с приданной им тяжелой артиллерией. В центре фронта их наступления оказалось местечко Друскеники. Маленький городок был расположен приблизительно посередине между Ковно и Гродно. Две эти крепости за последние несколько лет модернизировались в соответствии с последними идеями военно-инженерной науки и должны были получить на вооружение крупнокалиберные орудия новейшего типа. Когда началась война, работа там была в самом разгаре, но по тем или иным причинам ни один из ее этапов не был завершен. С началом мобилизации темпы работ были увеличены, но исключительно за счет строительства деревоземляных укреплений; разумеется, о быстром возведении бетонных сооружений невозможно было и помыслить.

Германцам удалось выйти к Нареву и даже переправить через реку небольшую пехотную часть, которая, однако, была вскоре отброшена нашими войсками назад на левый берег.

После такой неудачи германцы решили отказаться от проведения данной операции и приступили к реализации нового предприятия, предполагавшего захват всей территории Царства Польского, лежащей на левом берегу Вислы. Они, очевидно, намеревались воспользоваться своим преимуществом, состоявшим в возможности быстрой перевозки войск, а также тем, что наши части на этом участке фронта были крайне малочисленны и могли быть сосредоточены только с большим трудом. Невзирая на это, высшему российскому командованию удалось на поездах и пешим порядком перебросить на линию Вислы достаточные силы; часть из них была переправлена на левый берег реки. В те дни, когда германцы приблизились к стенам самой Варшавы и мечтали о захвате фортов, которые мы сами частично разрушили, наше высшее командование перебросило в Варшаву сибирские полки, мобилизованные на Дальнем Востоке. Сибиряки были с восторгом встречены варшавянами, которые называли их своими избавителями. Полки выгрузились из эшелонов, прошли через город и сразу же были брошены в бой. Это были закаленные войска; в их рядах находилось много офицеров и нижних чинов, принимавших участие еще в японской войне. Заслужив себе превосходную репутацию во время Дальневосточной кампании, они только еще больше прославились в войне нынешней.

Под стенами Варшавы германцы впервые испытали на себе неудержимость штыковой атаки сибиряков.

Elan этих полков демонстрирует нам превосходный пример результатов воспитания и развития полковых традиций.

Каждая армия имеет свои *corps d'elite*, отличающиеся от прочих воинских частей своим неистовством в бою и прославившиеся непревзойденной отвагой.

Как правило, прием на службу в эти войска проводится на общих основаниях, что лишает их каких-либо преимуществ при рекрутировании и не позволяет проводить особый отбор

---

⁴⁶ Явная опечатка. Вероятно, имеется в виду Днестр.

новобранцев. Тем не менее благодаря стойкости полковых традиций эти части никогда не теряют своих боевого задора и исключительных ратных качеств.

Часто случается, что бои производят страшное опустошение в рядах этих воинских частей. Потери покрываются путем обычного набора и присылки вполне рядовых пополнений, но прежний боевой дух от этого ничуть не убывает, оставаясь, как всегда, непревзойденно высоким.

К этой категории войск относятся во французской армии африканские и альпийские стрелки, шотландские полки в Великобритании и итальянские берсальеры. Последние особенно отличились в октябре 1917 года, когда австрийские и германские армии вторглись в Ломбардию, и только они одни выстояли под напором опьяненных легкой победой германцев – подобно гранитной скале, берсальеры грудью встречали неистовые удары набегающих на них человеческих волн.

После длившегося почти целый месяц переезда через всю Россию в телячьих вагонах сибирские стрелки под Варшавой немедленно пошли в бой с воодушевленным многочисленными победами неприятелем и вопреки всему нанесли врагу крупное поражение уже в самом начале его неистовой атаки. После этого германцы в большой спешке отступили к своей границе. Противник был настолько уверен в своей победе и скором падении Варшавы, что при войсках находился церемониймейстер саксонского двора, в распоряжении которого был придворный автомобиль, на котором должен был совершиться торжественный выезд самого короля Саксонского⁴⁷ или наследника престола из Варшавского дворца⁴⁸ в кафедральный собор Святого Иоанна.

Предполагалось, что этот монарх (или его кронпринц) будет короноваться короной польских королей саксонского дома, в старину занимавших польский трон⁴⁹.

К несчастью для саксонцев, наши казаки захватили как автомобиль, так и самого церемониймейстера.

Варшава ликовала. В честь избавления от нашествия тевтонов в городе устроили праздник; все были уверены, что Варшава никогда не попадет в германские руки. И действительно, во время своего следующего наступления германцам удалось дойти только до линии в между-речье Бзуры и Равы.

Старая крепость Ивангород⁵⁰ – старая с современной точки зрения – играла важнейшую роль в отражении германского наступления на линию по реке Висла, которую противник мечтал форсировать без особых усилий.

На результатах действий гарнизона этой крепости имеет смысл остановиться отдельно, чтобы показать, какое влияние может иметь личность крепостного коменданта или его непосредственного заместителя, которых впоследствии могут назвать «душой обороны» крепости. Такой фигурой был защитник Порт-Артура генерал Кондратенко, погибший во время осады. С его смертью иссяк боевой дух защитников крепости, и она вскоре оказалась в руках японцев.

---

⁴⁷ Германская империя по конституции 1871 г. представляла собой вечный союз 25 государств (говоря современным языком, федерацию – Bundesstaat): четырех королевств (Пруссии, Баварии, Вюртемберга и Саксонии), шести великих герцогств и проч.

⁴⁸ Видимо, Королевский замок – бывшая резиденция королей Речи Посполитой.

⁴⁹ Вероятно, имеется в виду польская королевская династия, основанная в 1697 г. после избрания королем Речи Посполитой саксонского курфюрста Фридриха-Августа II.

⁵⁰ Ивангород – крепость в Люблинской губернии при впадении в Вислу реки Вепрж. Ее проект был утвержден еще в 1838 г. В конце 1870-х гг. обнесена передовыми укреплениями.

Комендантом и душой обороны Ивангородской крепости был генерал Шварц⁵¹, человек исключительной храбрости и больших способностей, служивший еще под началом генерала Кондратенко.

Можно предположить, что Шварц был выходцем из прибалтийских губерний. Его предки уже во времена Екатерины Великой совершенно обрусели и по духу, и по крови; даже его имя и отчество – Алексей Владимирович – свидетельствовали о том же. Германцам было хорошо известно об инженерных работах по подготовке Ивангородской крепости. Они отлично понимали преимущества, которые можно получить, обстреливая ее из дальнобойных орудий; вероятно, они надеялись взять крепость без особых затруднений. Однако им ничего не было известно о человеке, которому было суждено противостоять им в качестве коменданта Ивангорода. Назначение на эту должность генерала Шварца состоялось уже после мобилизации. Германцы рассчитывали взять крепость штурмом, используя метод так называемой ускоренной атаки⁵².

Ясно, однако, что этот метод может быть эффективен только после решительных побед, одержанных в открытом бою. В такой ситуации основное преимущество идущих на штурм крепости войск определяется не столько самим методом ускоренной атаки, сколько общим падением морального духа защитников крепости.

С сожалением должен констатировать, что в нынешней войне русские крепости проявили себя совершенно недостаточно и не оказывали нашей армии ожидавшейся от них поддержки. Основной причиной их низкой обороноспособности явились уже упомянутые мной предшествующие поражения наших войск в полевых сражениях, однако имелись, кроме того, и некоторые факторы технического свойства, обусловившие низкую эффективность крепостей. На протяжении целого ряда лет до и после японской войны в наших крепостях вовсе не проводилось никаких основательных ремонтных работ. В те годы Россия проводила в высшей степени миролюбивую политику – если не считать японской войны, в которую наша страна, по сути дела, была втянута Германией, – а потому рассчитывала, по всей видимости, что ей не понадобится защищать свои границы. Естественно, тот период наши оборонительные укрепления и гарнизонная артиллерия весьма значительно отставали от требований современной инженерной и артиллерийской науки. Другой причиной, объяснявшей слабость наших крепостей, было то, что за два или три года до войны генерал Сухомлинов приступил к проведению реформы, в основе которой лежало упразднение особых формирований крепостных войск. До этого момента каждая русская цитадель имела свой собственный гарнизон, состоявший, пропорционально ее размеру, из нескольких крепостных батальонов, полков или бригад. Во время кампании эти воинские части приобретали большую подвижность; они имели специальную подготовку для защиты своей крепости, полученную при внимательном изучении всевозможных способов нападения и защиты. Кроме того, с ними проводились полевые учения, направленные на освоение тактических приемов, применимых в пределах конкретного крепостного района. После реализации упомянутой реформы все кадровые части были из крепостей удалены. В начале войны крепостные гарнизоны перебросили на фронт и присоединили к тем или иным армиям, поскольку они числились в составе полевых армейских корпусов. Их место заняли ополченческие дружины, состоявшие из солдат старших возрастов или из недостаточно обученных частей, не имевших об обороне укреплений ни малейшего представления. Можно с уверенностью утверждать, что в то время, когда наши войска заняли позиции на линии кре-

---

⁵¹ Шварц фон Алексей Владимирович (1874–1953). За успешную оборону крепости в сентябре-октябре 1914 г. произведен в генерал-майоры (27.10.1914) и награжден Георгиевским оружием (ВП 08.11.1914). Генерал-лейтенант (1917).

⁵² Ускоренная атака – метод быстрого овладения крепостями, возникший в 80-х годах XIX в. после значительного усовершенствования материальной части артиллерии, а именно после введения нарезных орудий и фугасных снарядов, применение которых выявило несоответствие конструкций крепостей новым видам оружия. Наиболее известен метод ускоренной атаки Зауэра.

постей, ни одна из этих твердынь не получила обратно весь свой обученный в мирное время гарнизон. Даже если такое и происходило, то в крепости, как правило, возвращалась только малая часть из тех солдат, которые первоначально несли их охрану.

Со временем неудовлетворительное положение крепостей, вызванное их скверным материальным обеспечением и низким боевым духом защищавших их частей, с прискорбной очевидностью проявилось в недостаточной эффективности сопротивления, которое оказывали неприятелю их гарнизоны. В положительном смысле в этом отношении отличалась, не считая Ивангорода, небольшая крепость Осовец, прикрывавшая дефиле в болотистую долину реки Нарев. Германцы дважды решительно штурмовали ее при поддержке значительного парка осадной артиллерии самых крупных калибров. Во время второго приступа они даже применили свои знаменитые мортиры калибра 42 сантиметра, которые сыграли такую важную роль при взятии считавшихся неуязвимыми для действия осадных орудий бельгийских крепостей, что обернулось для союзников катастрофой. Успешная оборона Осовца объяснялась в основном не только отличным знакомством всех чинов штаба крепости с ее укреплениями и окружающей местностью, но и тем, что ее гарнизон состоял не из ополченцев, а из кадровых полков. Однако к моменту второго штурма это положение изменилось. Обороноспособность крепости определяется не столько мощностью ее долговременных фортификационных сооружений, сколько удачным и скрытым расположением гарнизонной артиллерии. Когда германцы начали второй штурм, они уже стояли перед Осовцом в течение приблизительно шести месяцев, но не добились своими лобовыми атаками никаких ощутимых успехов. Крепость попала в руки германцев только после общего отступления русских армейских корпусов, державших оборону в ее окрестностях, и форсирования противником реки Нарев, что создавало угрозу полного окружения маленькой твердыни. Осовец, представлявший собой, в сущности, всего лишь *tête-de-poni*⁵³, не был рассчитан на то, чтобы выдерживать одновременно и осаду, и блокаду.

В это время⁵⁴ ослабление германских войск в Восточной Пруссии дало нам шанс провести новое наступление с линии по реке Нарев и Августовскому каналу, пользуясь тем выгодным для нас обстоятельством, что во многих местах мы продолжали удерживать позиции на левом берегу.

Наступление по всему фронту было проведено на участке от расположенного недалеко от нашего правого фланга городка Шталлупёнен и до правого берега Вислы. Однако для нанесения главного удара была выбрана линия Кальвария – Сувалки – Августов. Несмотря на успешное развитие, наступление проходило значительно более медленными темпами, чем наше первое вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 года. Хотя германцы не использовали тогда для обороны проволочные заграждения, полевые укрепления были у них сильно развиты. Войска, занимая новые позиции, прежде всего прочего приступали к устройству оборонительных сооружений, возможно, на первых порах – только легкого типа; если же бои продолжались на одном месте в течение нескольких дней, то неприятель, работая по ночам, занимался усилением своих укреплений. В начале октября русские войска, постепенно оттесняя германцев, вновь вошли на территорию Восточной Пруссии. Я со своей дивизией должен был пересечь границу на участке к северу от Роминтенского леса.

В последующие дни леса вокруг Роминтена стали ареной самых ожесточенных боев. Охотничий замок императора Вильгельма, а вернее сказать – его развалины, неоднократно переходил из рук в руки. Бои, с переменным успехом продолжавшиеся несколько суток, велись на самой границе. В это время я командовал не только своей 1-й кавалерийской дивизией, но также 2-й и 3-й, временно сведенными в кавалерийский корпус, который был еще дополни-

---

⁵³ Предмостное укрепление (*фр.*).

⁵⁴ Речь идет, конечно, о событиях осени 1914 г., а не об обороне Осовецкой крепости в 1915-м.

тельно усилен приданным ему Уральским пехотным полком и двумя артиллерийскими батареями. Развитие боевых действий на самом краю правого фланга 1-й армии, в состав которой входил тогда мой сводный корпус, потребовало переброски находившихся под моим началом 1-й и 2-й кавалерийских дивизий в окрестности городка Шталлупёнен. Там я в третий раз с боями пересек германскую границу. Естественно, за последние два месяца положение в Восточной Пруссии, по территории которой русские и германские войска проходили пять раз, сильно изменилось. Пограничные районы наконец полностью обезлюдели. Я убежден, что все встречавшиеся нам немцы были либо явными шпионами, либо публикой, которой было разрешено остаться здесь под видом «местных жителей», в чьи обязанности входило извещать тем или иным способом германские военные власти обо всех действиях и перемещениях русских частей. Вполне вероятно, что этим можно объяснить то дружелюбие, с которым эти люди, как правило, относились к русским войскам. Могу еще добавить, что во время первой кампании в Восточной Пруссии мы не сталкивались с проявлением особой враждебности со стороны местных сельских жителей; бывали даже случаи, когда крестьяне выносили к дорогам, по которым мы проходили, не только бадейки с питьевой водой, но также яблоки и даже свежий хлеб. Наши солдаты относились к местному населению, в общем, дружелюбно и с доверием. Что же касается городских жителей, то они чаще всего реагировали на наше появление с безразличием, но за деньги готовы были продать все, что имелось у них самих. В то время в Германии, в том числе и в Восточной Пруссии, еще не наблюдалось недостатка в продовольствии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.